

ПРАВО ГЕТМАНЩИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — XVIII В.)

А. МИРОНЕНКО

*доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент НАПрН Украины,
главный научный сотрудник отдела
историко-правовых исследований
(Институт государства и права
им. В. М. Корецкого НАН Украины)*

Эволюция отечественного права указанного периода, имея в своей основе осознанные естественные права человека, специфические представления прародителей украинства о правде, благодати и справедливости, моральных канонах, обычаях и традициях антов, склавинов, других восточных славян, «фольклорные конституции»¹ русов, мифические общественные договоры об образовании первых восточнославянских государств, языческие верования и догматы православия, летописи, пионерские систематизированные предписания в виде договоров, Русской Правды, уставов, грамот, «казацкие обыкновения», воспринимая нормы Магдебургского права, определенные традиции «польского права», «литовского права» и т. п., обогащались на «драгоценнейших и важнейших явлениях народной самобытности» [1, 201]. Среди них — стремление к прямому народоправству, сохранению «народных конституций», т. е. старинных прав и вольностей, их апологии, перерастание крестьянского демократизма в военно-казацкий, стремление к соборности, коллективизму, общинному землевладению, равенству, братству, свободе, независимости, здоровому консерватизму, первоначально-коммунистическому быту сечевиков и т. п. [2–5].

Не случайно польский политический деятель и литератор этой поры Ян Щасный Гербурт называл фактические казацкие конституции, т. е. обычаи, которые тщательно оберегались бывшими бесшабашными, мятежными, свободолюбивыми беглецами и их потомками, «наилучшим правом и матерью всех прав», а попытки властителей нарушить его сравнивал со стремлением переместить море к Самбору или Бескиды к Гданьску [6, 16]. Вооруженную борьбу за неприкосновенность казацких прав и вольностей начали их вожди К. Косинский, С. Наливайко, Г. Лобода, М. Шаула, Ф. Полоус, С. Кошка, Г. Крутневич, Я. Бородавка, О. Голуб, Я. Луцкевич, М. Жмайло, Я. Острияница и др. Такие выступления после кратковременного затишья переросли во всенародный бунт 1648–1654 гг.

¹ Речь идет о «законах отцов», закрепленных в завещаниях, рассказах, пересказах, словах, сказаниях, поучениях, былинах, легендах, мифах, гимнах, песнях, заклинаниях, обрядовых приписаниях и т. п.

И в период Освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского господства, и во времена существования Гетманщины вообще на современных украинских землях источниками права, кроме обычаев и традиций, оставалось немало актов, которые и раньше действовали на Украине. Речь идет о Русской Правде, большинство из предписаний которой трансформировалось в охарактеризованные выше все три Литовских статута (1529, 1566, 1588 гг.) [7–12]; Магдебургском праве, которое из Закарпаття и Правобережной Украины (Хуст, Вишково, Тячев, Сянок, Львов, Каменец-Подольский, Луцк, Кременец, Житомир, Мукачево, Киев) сначала распространилось на Левобережье (Лохвица, Лубны, Пирятин, Прилуки), со временем — на Гетманщину (Полтава, Новгород-Сиверский) и на другие города казацкого государства [13–16]; определенных положений литовских уставных грамот, королевских и сеймовых конституций, ординаций, кроме тех предписаний из них, которые закрепляли господство в Гетманщине польских и литовских магнатов.

Что же касается интересов, прав и привилегий украинских феодалов, особенно тех, кто входил в верхушку казачества, то «старые источники», прежде всего III Литовский статут, Порядок прав городских и другие сборники Магдебургского права, интенсивно обогащались и во второй половине XVII–XVIII в. приспособлялись к общественным изменениям с такой целью, чтобы, отобрав экономические и политические права и привилегии у польской и литовской элиты, передать их исключительно в руки бывшей и новой украинской шляхты и русских воевод. Ярчайшим примером в этом аспекте оказалось постепенное изменение статуса земельной собственности, т. е. появление ранговых имений и земель, которые были пожалованы украинским панам в виде награды за служение русскому царю, тому или другому гетману.

Из систем криминальных преступлений и наказаний, предусмотренных Судебником Казимира Ягеллончика, Литовскими статутами, сборниками Б. Гроицкого, что оставались действующими на протяжении всего рассматриваемого периода [6; 17; 18], уже с началом Освободительной войны 1648–1654 гг. начали исключаться как виды преступлений и наказаний покушения на магнатско-шляхетский порядок правления, подрыв королевской власти и Речи Посполитой, католическую или униатскую церкви и т. п. Тем не менее, учитывая военное время, становился более жестоким и расширялся круг наказаний противников Б. Хмельницкого (казнены в 1650–1652 гг. только среди высших старшин Я. Худолий, С. Герасимов, М. Гладкий, Л. Мозырь, С. Пидибайло и др.), предателей «восставшего украинского народа» за невыполнение приказов старшин или их администрации, малодушие в бою, непредоставление помощи раненым, ограбление имений новоявленной украинской шляхты и т. д. Иногда тяжкие наказания, даже смертная казнь, несмотря на военное время, заменялись штрафами.

Впрочем и во времена освободительных войн господствующими в праве оставались казацкие конституции обычаев. Особенно это было характерным для системы судопроизводства: и генеральный, и полковые, и сотенные, и куренные суды выносили приговоры, как правило, на основании права обычаев. Воспринятыми из «дореволюционных времен» оказались и такие формы досудебного следствия, как гонение следом или шлакование. В большинстве случаев производство в судах было открытым. Приговоры, кроме тех, которые

выносились за преступления, совершенные во время боевых действий, могли оспариваться в судах высшей инстанции.

Что же касается рождения именно украинской, т. е. сугубо национальной правовой системы (малороссийское право), то, имея свои корни в «правде пращуров», преодолев этап апробации в казацком общественно-экономическом быту и чуть ли не непрерывных стычках с посягателями на волю и свободу сечевиков, притеснителями украинских крестьян и мещан, такая система начала свою собственную эволюцию с начала Освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского господства под проводом Б. Хмельницкого, т. е. от восстания казаков в Запорожской Сечи 21 января 1648 г. и избрания сечевиками своего вождя гетманом Украины 30 января 1648 г. [19–22].

Еще раз подчеркнем, что малороссийское право (право Гетманщины) и в это время продолжало воспринимать, приспособливать к новым условиям и обогащать древнерусскую, польскую, литовскую правовые системы, немало норм Магдебургского и русского феодального права [23–25], но главными стрелками его саморазвития остались «казацкие обыкновения», гетманские конституции (статьи) и текущее законодательство Гетманщины, которая в официальных документах, особенно Московского царства (до 1721 г.) и Русской империи, именовалась еще и Малороссией.

Первые программные направления эволюции права Гетманщины были сформулированы Б. Хмельницким в актах государственно-конституционного характера, к которым можно отнести: Договор между цесарем турецким и Войском Запорожским с народом русским относительно торговли на Черном море 1648 г. [26, 51–56], Требования Запорожского войска, переданные Яну Казимиру (7) 17 августа 1649 г. [27, 130–131], Зборовский мирный договор 1649 г. [28, 56–58] и некоторые другие официальные документы¹. Именно в этих проконституционных актах Гетманщины, которая пока что номинально считалась территорией Речи Посполитой, она как Войско Запорожское признавалась могущественными государствами-соседями автономным политическим образованием с предоставлением ей права свободного, беспрепятственного плавания в Черном и Средиземном морях, освобождением («если не на 100, то хотя бы на 50 или по крайней мере на 30 лет») от уплаты пошлины и налогов, обменом послами и т. п. Войску Запорожскому возвращалось право на избрание старшин, восстанавливалось немало других казацких вольностей. Вместе с тем названные акты включали и немало антидемократических предписаний, в частности, изгнания евреев и иезуитов из любых государственных должностей и вообще из Войска Запорожского². Власть гетмана и казацких самоуправляющихся учреждений распространялась на Киевское, Брацлавское и Черниговское воеводства со столицей в г. Чигирине. Полномочным представителем в Сейме Речи Посполитой признавался киевский митрополит. Есть все основания утверждать, что автономная Гетманщина произошла именно от Зборовского договора, хотя он и погасил огонь освободительной борьбы в западных регионах Украины.

¹ Речь идет, например, о первом письме Б. Хмельницкого русскому царю с просьбой принять Украину под протекторат России (июнь 1648 г.), переговорах посольства гетмана в Москве (январь — февраль 1649 г.), о заявлениях Б. Хмельницкого о переговорах с комиссарами польского правительства в Переяславе (февраль 1649 г.), других переговорах с Москвой (апрель, июнь 1649 г.), Договоре о союзе Молдавии с Украиной (сентябрь 1650 г.) и др.

² Евреев в Украине насчитывалось тогда около 100 тыс., из них 6–25 тыс. погибли в Освободительной войне в результате погромов [29].

Значительно суживалось территориальное и правовое пространство деятельности и количественный состав реестрового войска (до 20 тыс.) Белоцерковским договором, подписанным с украинской стороны Б. Хмельницким, полковниками М. Громькою и И. Кранковским и генеральным писарем И. Выговским 28 сентября 1651 г. [30, 26–31] Войско Запорожское теряло почти все права на международные отношения, Брацлавское и Черниговское воеводства. Польская шляхта, как и еврейское население, возвращалась к своим бывшим имениям, а гетман с полковниками обязывался пожизненно служить «его королевской милости». Вынашивая планы на создание большой коалиции, Б. Хмельницкий убедил Раду старшин под видом отказа от ратификации Польшей названных соглашений возобновить боевые действия против Речи Посполитой. В мае 1652 г. Белоцерковский договор утратил силу.

С требованием к Варшаве восстановить силу Зборовских договоренностей обратился 1 октября 1653 г. русский Земский собор, который вместе с тем постановил «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и землями принять» [31, 414]. Переяславская генеральная военная рада, имевшая действительно представительный характер, по старинному праву обычаев 8 января 1654 г. одобрила решение об «избрании себе Господина с четырех» (басурманин турецкий, поганин крымский и король польский при этом были отброшены) и о переходе значительной части украинских земель «под государеву высокую руку».

Это был лишь устный договор, но, несмотря на такие обстоятельства, гетман и генеральная старшина все же принесли присягу на верность царю. Письменные же предложения относительно условий политической автономии Б. Хмельницкий и Старшинская рада готовили на протяжении следующих двух месяцев. 13 марта в виде 23 просящих пунктов они были доставлены в Москву [32, 53–58]. Практически все ходатайства, выдвинутые гетманом и его соратниками, царь удовлетворил. В отредактированном конечном варианте они уже включали 11 статей [33, 560–565], а требования, которые не вошли в них, были учтены в нескольких монарших грамотах. Именно эти Переяславские конституции (их еще называют статьями Б. Хмельницкого, Мартовскими или Московскими статьями) вместе с жалованными царскими грамотами Войску Запорожскому от 27 марта 1654 г., универсальной грамотой судьям, городничим и всей вообще малорусской шляхте от 27 марта 1654 г., царскими грамотами мещанам Переяслава от 4 марта 1654 г. и Киева от 16 июля 1654 г. (права мещанам Киева были предоставлены после специального обращения к царю Б. Хмельницкого 25 апреля 1654 г.) можно считать основанием новой позитивной правовой, т. е. конституционной базы функционирования права Гетманщины как автономии в составе Большой Руси.

Названные конституционные акты определяли:

1) права и обязанности казацкой элиты и привилегированной части казачества, т. е. реестровиков: право на автономное самоуправление; право на избрание гетмана; право на формирование корпуса административных должностных лиц; право на казацкий суд и судопроизводство; право на принятие ряда нормативных актов местного значения; право на определение полкового и сотенного деления; право на казацкое войско в 60 тыс. человек; право на постоянное денежное и прочее содержание; право на земельные наделы и имения и их неприкосновенность; право на их наследование; право наследников на при-

вилегии родителей; право на дипломатические отношения со странами, послы которых приезжают в Украину с добрыми намерениями; право гетмана на дань на булаву, т. е. на Чигиринское староство со всем, что ему принадлежит; право на освобождение от налогов и повинностей; обязательство царя ни при каких условиях не нарушать предоставленные теперь и раньше привилегии и защищать Украину от Польши; обязанность гетмана приносить присягу на подданство и верность государю; обязанность старшины и реестровых казаков служить царю и отдавать часть доходов в русскую казну; обязанность Запорожского Войска задерживать послов других государств, которые обнаруживают вражеские намерения; обязанность не вступать ни в какие сношения с турецким султаном и польским королем и некоторые другие;

2) права и обязанности украинской шляхты: право на все привилегии и вольности, которые она имела раньше; право на избрание собственных сословных судов; право на судопроизводство по своим обычаям; право на создание местных органов самоуправления; право на землевладение и его неприкосновенность; обязанность царя и его служивых ни в чем не нарушать права мирских людей; обязанность шляхты «ходить драться с государевыми врагами и во всем быть государевой воле послушными навеки»;

3) права и обязанности мещан: право на создание магистратов; право на избрание войтов, бурмистров, райцев, лавников и других городских урядников; право на беспошлинную торговлю киевских купцов в украинских городах; право иметь товарные склады и право на таможенные льготы из торга пивом, медом, вином, водкой, другим продовольствием; право киевских мещан на освобождение от военной службы; их же право на пользование вечером и ночью светом, «но с осторожностью»; право на высвобождение киевлян из казацкой юрисдикции; обязанность обеспечивать поступление денежных и хлебных прибылей в царскую казну; обязанность царских воевод «не ломать прав мещан и не совершать еще какие-нибудь ущемления»;

4) религиозные права и обязанности: право киевских митрополитов на имения, которыми они владели раньше; право на православную христианскую веру греческого закона, на Святую Божью восточную церковь; обязанность царя не нарушать духовных прав священнослужителей и мирян; обязанность униатов «отдать Божьи церкви назад» и не уничтожать православной веры.

Б. Хмельницкий и царь Алексей Михайлович полностью сохранили, как это было и в большинстве стран тогдашней Европы, бывшее распределение населения Украины на привилегированные сословия — казацкое, шляхетское, мещанское, духовное, т. е. сплошное неравенство людей. Относительно подавляющего большинства украинских жителей — крестьян-земледельцев, то об их правах и вольностях ни в одном дарованном документе даже не упоминалось. Тем не менее подчеркивалось, что, когда «люди всякого чина» получают привилегии, «то они сами рассмотрят между собой: кто казак, тот будет иметь казацкую вольность, а кто крестьянин, тот будет отдавать обычные повинности его царскому величеству, как это бывало и раньше». Иначе говоря, немногочисленные украинцы «высшего сорта» имели все права, а преобладающее их большинство — люди «низшего сорта» выполняли все повинности.

В статьях-конституциях Б. Хмельницкого царь Алексей Михайлович именовался самодержцем не только Большой, но и Малой Руси, а сам гетман, все Войско Запорожское и весь мир христианский русский признавали подданны-

ми царя, которые брали на себя обязательства вечно служить его царскому величеству. Такие правовые установки подвергают сомнению распространенные в наши дни официальные и просто пропагандистские утверждения о конфедеративном характере тогдашнего союза Украины с Москвой и даже о «независимости гетманского государства». Обратим внимание, в первом варианте конституций, которые готовились на украинских землях, московский царь назывался самодержцем всей России, а дополнение относительно Малороссии было внесено уже в Москве. В речах на Переяславской Раде Алексей Михайлович именовался «всей России самодержцем и многих государств государем».

Не отвечали принципам независимости Гетманщины дотла урезанные ее права на международные отношения:

а) «послов с добрыми делами (читай: лояльных к русскому самодержцу) принимать и отправлять», но с немедленным докладом о содержании проведенных переговоров царю;

б) послов, недоброжелательных к Москве, приписывалось задерживать в Гетманщине и ждать решения их дальнейшей судьбы из Кремля;

в) сношения с турецким султаном и польским королем запрещались категорически.

О далеко не «номинальной вассальной зависимости» Гетманщины от Москвы после 1654 г. свидетельствует и тот факт, что самодержец тщательно выписывал в статьях-конституциях размер денежного удержания даже наиболее низких старшин и рядовых казаков, а жалование им выдавалось «милостью царского величества», хотя и за счет украинских мещан и посполитых. Вот почему в ст. 9 подчеркивалось, что в случае превышения установленного в 60 тыс. количества реестровых казаков «государю в том ущерба не будет».

Не дает оснований говорить о Гетманщине как «отдельном государственном организме» и неопределенность в Мартовских конституциях ее финансовой системы. Статья 1 подчеркивала, что денежные и хлебные налоги взимаются местными должностными лицами, но собираются такие налоги «на царское величество и отдаются в его государеву казну тем людям, которых царское величество пришлет». В компетенцию присланных самодержцем «людей» входило и обязательство «за этими сборщиками присматривать, чтобы творили правду». Понимать такие положения, как предоставление Гетманщине самостоятельности в финансовых делах, нельзя.

Оригинал статей уничтожен или утерян, а потому тексты, которые были оглашены впервые Киево-Печерским монастырем лишь в 1659 г., и в дальнейшем могли фальсифицироваться. Немало сомнений вызывают и тексты, которые публиковались исследователями и в XIX, и в XX в. и считаются близкими к оригиналу. Скажем, Петр I 16 мая 1722 г. в Инструкции бригадиру С. Вельяминову приводит указанное выше положение относительно порядка внесения налогов со ссылками на то, что они изложены не в п. 1, а п. 7 Конституций Б. Хмельницкого, части первые которых, имея один предмет регулирования, в текстовом виде существенно отличны. В этой же Инструкции Петр I цитирует и п. 2 Мартовских конституций, которому почему-то не нашлось места среди 11 статей, которые считаются близкими к оригиналу, а именно в этом пункте есть положение о том, что в случае недовольства решениями казацких или других судов Гетманщины ее жители могли «дело передать Государеву Воеводе и в таком случае Государев Воевода между ними расправу

совершал по собственному усмотрению». Иначе говоря, вызывает обоснованное сомнение и «судебный суверенитет» Войска Запорожского.

Несмотря на урезанный характер автономии и юридическое закрепление в отношениях России с Украиной полуавтономно-полуколониального статуса последней, Переяславские статьи и монаршие грамоты 1654 г., вмещаая, по выражению М. Драгоманова, «добрые и злые зерна», объективно отвечали интересам обеих сторон и сыграли огромную роль в становлении как права Гетманщины, так и украинской национальной государственности. Действие этих конституций всегда подтверждалось, т. е. они надолго стали стержнем, ядром конституционного статуса Украины-Гетманщины в составе России и действовали почти полтора столетия.

Следующий гетман И. Выговский (1657–1659) совершил несколько попыток с позиций видения будущего Украины в составе то ли Швеции, то ли Речи Посполитой (Корсунский договор 1657, Гадячский договор 1658), при поддержке татарских орд, изменить конституции Б. Хмельницкого. Правовой статус Войска Запорожского терял много из того, чего добился Б. Хмельницкий: Украина как политическое тело в границах Речи Посполитой откидывалась на 20 лет назад, т. е. до уровня Ординации 1638 г.

С сентября 1659 г. по октябрь 1660 г. правовой статус Войска Запорожского уконституцировался в нескольких документах, связанных с именем Ю. Хмельницкого. Раздраженный изменой И. Выговского, московский царь не согласился с предложенными Ю. Хмельницким новыми конституциями, в которых формулировались требования расширения территории Гетманщины и укрепление ее автономных прав, и через князя А. Трубецкого подал свой вариант таких статей [34, 109–114].

С одной стороны, они будто бы расширяли компетенцию Генеральной военной рады: отныне она должна была избирать не только гетмана и генеральную старшину, а и полковников из числа кандидатов, выдвинутых от тех полков, где они находились на службе. Категорически запрещалось избирать полковников из казаков других полков. Гетман без решения Генеральной рады не имел права отстранять от должностей избранных полковников. С другой стороны, полномочия этого казацкого органа народовластия значительно суживались. Рада теряла право на устранение без разрешения царя гетмана от власти даже в том случае, когда он обвинялся в измене. Ни при каких условиях Гетманщина не могла ставить вопрос о военных походах в другие государства или отказе от пребывания «на государевой службе». Отменялось и бывшее право на смертные приговоры казацкой верхушке. Категорически запрещалось участие в Генеральном правительстве или в собрании Генеральной военной рады Г. Гуляницкому, Г. Лисницкому, А. Жданову и другим приверженцам И. Выговского. Даже тот, кто приглашал их на такие собрания, должен был «караться на горло».

Положение новых Переяславских конституций 1659 г. относительно Рады старшин тоже нельзя оценивать однозначно. Количественный состав ее увеличивался за счет введения дополнительных должностей генерального судьи, генерального есаула и генерального писаря на Правобережье. Члены Старшинской рады, клеветующие на Москву, подлежали смертной казни. Высшая мера должна была применяться и относительно тех старшин и даже простых казаков или мещан, которые будут отказываться присягать царю или нарушать эти конституции. Но право на выполнение таких приговоров относительно старшин,

которые «царскому величеству служили», отбиралось¹. Надо было ожидать разрешения из Москвы, где и решалась конечная судьба осужденных. В Киев, Переяслав, Нежин, Чернигов, Брацлав, Умань уже вполне легитимно вводились царские войска во главе с русскими воеводами. Белорусские земли и город Старый Быхов исключались из территории Войска Запорожского, а самодержец в рассматриваемых статьях именовался уже не только «Большим государем, Царем и Великим князем всей Большой и Малой», а и Белой России.

Зафиксированное в ст. 7 новых Переяславских конституций указание об обязательности для гетмана «без Рады и без рады всей черни в полковники и в другие начальные люди никого не избирать», а избранных от должностей не отстранять, вроде бы повышало демократичность определения общевоинского «казацким парламентом» лиц начальствующего состава. Впрочем, ст. 8 здесь же такую демократичность подавляла указанием на то, что категорически запрещается избирать кандидатами людей неправославной веры, т. е. категория «свобода совести» полностью исключалась из государственной практики Гетманщины. Нельзя расценивать однозначно и запрет самовольно карать смертью отдельную категорию старшин: с одной стороны, это оказывало содействие укреплению прав человека на жизнь, так как предотвращало необоснованные смертные казни, а с другой — приравнивало граждан Украины к царским подданным, лишало их судебного иммунитета, подрывало доверие к казацким судам.

Как указывалось в преамбуле, новые 19 артикулов были внедрены указом Великого государя и «постановленные сверх бывших статей», т. е. Переяславских конституций 1654 г., сохранявших действие, и которые впервые были изложены в устной форме на выборах И. Выговского, а в письменном виде — по возвращении на гетманство Ю. Хмельницкого. Итак, «конституция» Войска Запорожского (без монарших грамот) насчитывала уже 30 статей. Важна и такая деталь: первые Переяславские конституции составлялись гетманом и его окружением, и в конце каждой статьи указывалась воля царя относительно тех или иных требований; вторые Переяславские конституции излагали сначала предписания самодержца, где после каждого фиксировалось волеизъявление гетмана, полковников, всей старшины и черни на Раде, которое сводилось к формальным высказываниям вроде «выслушали статью и присудили быть ей такой, как она написана».

Исключением из последнего правила является лишь ст. 17. Ее положения касались повинностей, которые возлагались на мещан Гетманщины, т. е. их обязанностей предоставлять питание для послов и официальных лиц, корм для их коней, подвод и т. п. Вийты и бурмистры должны были это делать лишь при наличии у посланцев соответствующих грамот или других официальных документов. Статья подтверждала действие и бывших привилегий мещан, предоставленных польским королем. Скреплялись охарактеризованные в статье положения не гетманом и старшиной, а пожалованьем Великого Государя как челобитной.

Кроме изложенного, новые конституции приписывали: беспрепятственное предоставление казацких войск по указанию царя на государеву службу; обязанность гетмана ни при каких условиях не прельщаться на «лядские» обещания, а тех, кто их распространяет, карать насмерть; запрет русским воеводам

---

¹ Это, наверное, было вызвано расправами над казацкой старшиной со стороны И. Выговского.

вмешиваться в процесс собирания налогов у населения; освобождение дворов реестровиков от военных постояльцев и переключивание военных повинностей (постой, питание, предоставление амуниции и т. п.) на простых мещан и крестьян; льготы для тех же реестровиков на производство и торговлю вином, пивом и медом (запрещалось лишь продавать вино на квартиры); освобождение всех пленных по обе стороны Днепра; возвращение Киеву военных трофеев, захваченных под Конотопом; запрет украинцам, которые жили на территориях, отнесенных к Белой России и в Старом Быхове, называться запорожскими казаками и предоставление желающим из них возможности переселения в Нежинский или Черниговский полк; взаимное обязательство возвращать беглецов из русских воеводств и Гетманщины на постоянное местожительство под угрозой смертной казни для тех, кто скрывает таких беглецов [35].

Дальнейшая история эволюции права Гетманщины связана с именем И. Брюховецкого. После избрания гетманом на Черной раде в Нежине (18 июня 1663 г.) И. Брюховецкий собственноручно подписал 17 ноября того же года в Батурине новые конституции относительно юридического статуса Войска Запорожского, которые излагались по одним источникам в пяти, по другим — в шести статьях [36, 128–139; 37, 197–215]. Формально оставались действующими первые и вторые Переяславские конституции, но компетенция казачьих органов самоуправления резко суживалась. Фактически они попадали под полный контроль русских воевод, окольных, наместников, майоров, ротмистров, капитанов, рейтаров, драгун и др. Московские ратные люди получали за счет населения Украины высочайшее материальное вознаграждение и обеспечивали сытую жизнь на украинских хлебных запасах не только «начальным лицам», а и рядовым солдатам и стрельцам, каждому из которых гарантировалась соответствующая норма муки и другого продовольствия. Казаки и старшина брали на себя малоприятные разыскные, шпионские обязательства находить, наказывать и возвращать русским помещикам крестьян-беглецов. Реестровиков оставалось 60 тыс., но удержание их в мирное время уже полностью зависело от Москвы, поскольку налоговое дело почти целиком переходило в руки русских воевод. Торговля украинским хлебом, вином, табаком сурово ограничивалась. Нарушители «подвергались жестокому наказанию и высылались в Сибирь, Астрахань, отдаленные города Украины на пожизненное проживание, а дворы их и животы переходили к Великому Государю бесповоротно».

Батуринские дополнения, которые вместе с тем можно расценивать и как своеобразные акты официального толкования «конституции Украины», на самом деле оказались грубым нарушением конституционных положений как 1654, так и 1659 гг. Еще большим пренебрежением к последним стало такое «обогащение» отечественного конституционализма, как вторые Московские статьи, представленные И. Брюховецким и его огромной свитой из полковников и генеральных старшин на утверждение царю 11 октября 1665 г. во время пребывания в Москве [38, 139–154]. Старшины составили эти 10 статей, уже откровенно проигнорировав Генеральную казацкую Раду. Украину было фактически передано под полную власть царя и его юных наследников, казацкое войско — под командование московских воевод, финансовое и налоговое дело — в распоряжение московской администрации. Будущие гетманы должны были выезжать после избрания в Москву на утверждение. Немало городов Гетманщины теряли

Магдебургское право. И. Брюховецкий брал обязательства фактически полного прекращения международных отношений Войска Запорожского.

За исключительную преданность русскому царю все депутаты Рады старшин, которые собрались в Москве, были щедро вознаграждены самодержцем. Специальным актом от 22 октября 1665 г. И. Брюховецкому русский государь пожаловал боярский чин, а старшины «за отдачу собираемых в Малой России доходов и сборов в Государеву казну и за истребование в Малороссийские города воевод и ратных Великороссийских людей» [39, 154] все без исключения стали дворянами. Это еще один из многочисленных примеров циничной распродажи за бесценок завоеваний предков верхушкой украинского казачества.

Конституционные же основы существования Гетманщины, не считая жалованных монарших грамот, хотя и сугубо формально, фиксировались в 1663–1665 гг. в 35, а в 1665–1669 гг. — в 45 статьях.

Но в конце концов склонность И. Брюховецкого к измене во имя собственных интересов привела его к полному пренебрежению им же заключенных новых конституционных положений, что вылилось в организацию гетманом восстания против засилья и своеволия московских воевод в Войске Запорожском. Поднявшаяся буря всенародного возмущения смела с исторической арены и лишила горе-гетмана не только булавы, но и жизни.

В 1667–1668 гг., т.е. еще до официальной отмены конституций И. Брюховецкого русским самодержцем, украинский конституционализм приобретал еще большую концептуальную окраску благодаря присягам и статьям правобережного гетмана П. Дорошенко. Его предшественники П. Тетеря и С. Опара собственных «конституций» не принимали и действовали исключительно по указаниям польской короны. П. Тетеря после краха, прихватив немало казачьих сокровищ и ценностей, осел в Варшаве, а С. Опара не продержался и трех месяцев во власти.

Получив булаву на Чигиринской военной казацкой раде в начале 1666 г. и подавив физически приверженцев И. Брюховецкого, П. Дорошенко после Андрусовского перемирия (30 января 1667 г.) оказался уже де-юре под властью Речи Посполитой и не мог рассчитывать на поддержку России. 16 октября 1667 г. он вместе с обозными, судьями, есаулами, полковниками, сотниками, находясь под Подгайцами, принес присягу будущему польскому королю Яну Собескому. Перед Господом Богом в Троице Святой единому, перед Святой Богородицей и перед всеми святыми казацкая верхушка поклялась постоянно и вечно признавать «совершенную власть и начальство королей польских и польской республики как властителей своих преемственных». Именем пращуров и потомков П. Дорошенко присягнул служить короне чистосердечно, отрекаться от любого постороннего покровительства, брал клятвенные обязательства ни в какие внешние отношения без ведома Варшавы не вступать [40, 128–129].

Но это соглашение оказалось призрачным. Уже 10 августа 1668 г. П. Дорошенко составил и подписал «Прошения и Моления Казацкие, обращенные к Турецкому Султану от гетмана Дорошенко» [41, 208–212]. Гетман просил казацкого автономного самоуправления под протекторатом Турции на территориях, приблизительно в пределах Брацлавского и Киевского воеводств, а другие украинские Правобережные земли полностью отдавал султану. Из текста ст. 3 конституций (всего их было 17) вытекает, что власть гетмана предполагалась преемственной. Упоминание о временах Б. Хмельницкого свидетельствует, что окружение

П. Дорошенко хотело бы получить вольности и привилегии, которые удалось отвоевать Б. Хмельницкому в Переяславских конституциях. Булаву, бунчук, знамя и грамоты на властвование П. Дорошенко получал от султана, хотя формально право казаков на избрание проводника оставалось действующим.

Кроме обязательств защищать Турцию от внешних врагов, старшина давала обещание не вступать ни в какие отношения с государствами-неприятелями султана и всячески поддерживать Царгородского патриарха. Статьи предусматривали и обязанности Турции: не снимать с должности по своей воле гетмана, не разрушать православные церкви и монастыри, почтительно относиться к украинскому языку, не совершать вымогательства во время пребывания турецких и татарских войск на казацких территориях, а удовлетворяться тем, что им предлагают местные вельможи (постои, продовольствие, подводы, кони и т. п.), признавать казацкое судопроизводство, не заключать договоры с Польшей или Россией тайно от гетмана, не менять митрополитов, не строить новые мечети в пределах казацких земель и некоторые другие.

С формальной точки зрения статьи П. Дорошенко, действовавшие на Левобережье в виде конгломерата Переяславских договоров 1654 и 1659 гг., ряда монарших грамот и Батуринских и Московских статей 1663 и 1665 гг., конституции Войска Запорожского не нарушали. Правобережные украинские земли русским царизмом были отданы Речи Посполитой. Но народ, как и раньше, преисполненный ненависти к «басурманам», не воспринял старания П. Дорошенко признать власть над собой со стороны турецкого султана. Дальнейшая отчаянная борьба правобережного гетмана с И. Брюховецким, Д. Многогрешным, П. Суховеем, М. Ханенко, И. Самойловичем (именно последний, будучи генеральным судьей, в виде доноса прислал в Москву рассматриваемые статьи конституции) превратила украинские земли в большую безлюдную и почти дикую руину и заставила П. Дорошенко в 1676 г. оставить булаву и отказаться от должности гетмана обоих берегов Днепра.

В августе 1669 г. часть казацких полков на Правобережье провозгласила гетманом уманского полковника М. Ханенко. Его вклад в украинский конституционализм как практику создания государства изложен в Острожском договоре (1670) с Польшей. Сводился он к видению казацкой республики под властью польского короля, значительному ограничению государственности Правобережной Гетманщины и потому не был воспринят народом. На казацкой раде под Лисьянкой в марте 1674 г. М. Ханенко отказался от гетманства и сдался И. Самойловичу.

А на Левобережье после гибели И. Брюховецкого гетманом был избран Д. Многогрешный. 6 марта 1669 г. Генеральная военная Рада в Глухове приняла 27 статей, скрепленных подписями всей генеральной старшины, восьми полковников, архиепископом Черниговским и Новгородским Л. Барановичем, игуменом И. Ширковичем в присутствии полномочных московских представителей Г. Ромодановского, А. Матвеева и Г. Богданова [42, 214–229]. Формально оставались действующими дарованные раньше Переяславские конституции 1654 г. и царские жалованные грамоты, а документы «гетманов-предателей» Ю. Хмельницкого и И. Брюховецкого, т. е. Переяславские (1659), Батуринские (1663) и Московские (1665) статьи отменялись. «Сверху (конституций Б. Хмельницкого) прибавлялись» названные Глуховские статьи. Другими словами, «конституционное пространство» Войска Запорожского уменьшалось

ими до 38 статей. Но и этот акт опять оказался сугубо формальным, поскольку Конституции 1654 г. вроде бы сохранялись в нетронутом виде, но на самом деле они подвергались глубокой ревизии, т. е. существенному пересмотру теми же государственными лицами и органами (царем, гетманом, Радою старшин, Генеральной казацкой Радой), которые их когда-то даровали Гетманщине.

Глуховские конституции запрещали царским воеводам вмешиваться в полномочия центральных и местных казацких Рад относительно военно-административного, финансово-хозяйственного управления, судопроизводства, сбора налогов с населения, которые возвращались в гетманскую казну. Декларировалось и «предоставление гетману и всему войску этой стороны Днепра прав и вольностей за бывшими их правами», и установление Генеральной радой постоянного «милостивого жалования» и немалой платы всем без исключения членам Старшинских рад и реестровым казакам, и налоговые льготы для ряда украинских городов (на 10 лет для Переяслава, Нежина, Любеча, Воронежа, Кролевца, на 7 — для Чернигова и Остера, на 3 года — для других городов, городков и сел) и т. п.

Но вообще тенденция к блокированию автономных прав и компетенции самоуправляющихся учреждений Гетманщины сохранялась. Вдвое сокращалось реестровое казацкое войско (до 30 тысяч). Царские воеводы оставались для хозяйничанья в Киеве, Чернигове, Нежине, Переяславе, Остре. Ни гетман, ни Генеральная рада, ни Рада старшин не имели больше права вступать в международные отношения, а зафиксированная в ст. 17 возможность их представительства в составе царских дипломатических миссий на практике грубо игнорировалась со стороны Москвы.

Генеральная рада формально, как и раньше, избирала гетмана, но снять его с должности так же, как и раньше, не могла. Военные клейноды, знамя, булаву, печать и литавры на гетманство разрешалось получать исключительно из рук царя или по его поручению. Судьба и статус Киева оставались неопределенными, и этот вопрос был отдан на откуп московскому самодержцу и польскому королю. Не решили конституции и проблему местонахождения митрополии — то ли в Киеве, то ли в Переяславе, то ли в Чернигове. Решение Старшинской рады или гетмана о пожалованье сел, мельниц и другого имущества казацкой элите вступало в силу только после его подтверждения в царской грамоте. Генеральная рада брала на себя обязательства создавать всякие преграды украинским купцам на пути к ввозу ими вин и табака в Россию. Нормой отношений старшин и казаков становилось сплошное и всеохватывающее доноительство друг на друга, что поощрялось в нескольких статьях Глуховских конституций.

Последним гетманом Войска Запорожского во времена царствования Алексея Михайловича стал И. Самойлович. 16–17 июня 1672 г. в Конотопе было принято 10 новых статей-конституций (полное название — Новые статьи, которые по Указу Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой, и Белой России самодержца, сверх бывших Глуховских Статей поставленные) [43, 242–247]. Они вроде бы увеличивали «конституционное пространство» функционирования Гетманщины до 48 статей, к которым добавлялись еще и несколько упоминавшихся выше монарших жалованных грамот. Гетман И. Самойлович и генеральная старшина от себя лично и от лица «всех чинов и возраста людей и черни Войска Запорожского» перед Святым Евангелием дали клятву «служить до смерти живота своего непременно» не

только великому государю, а и его благородным чадам и наследникам, благоверным государям, царевичам и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу».

Важным положением Конотопских конституций оказалась зафиксированная в них заинтересованность в том, чтобы украинскую сторону хотя бы информировали о мирных переговорах России с Польшей, и обязательстве царя не отдавать Речи Посполитой Киев, который должен был в соответствии с польско-русскими договоренностями перейти в 1669 г. во владение Варшавы. Учитывая факты довольно жестокого, временами грубого, обращения Д. Многогрешного (в статьях 3, 7 и др. он назывался предателем) с казацкой старшиной, украинская элита оберегала себя в дальнейшем от гетманского своеволия, определив, что степени наказания старшин могут устанавливаться лишь на ее собственных радах. За содеянные преступления верховодов казачества отныне надо было привлекать к ответственности не по воле гетмана, «а по суду и праву посполитому». Запрещалось новоизбранному гетману без разрешения царя и совета со старшинами поддерживать любые отношения не только с чужеземными монархами, а и правобережным гетманом П. Дорошенко.

В связи с этим следует подчеркнуть, что Конотопские конституции оказались преисполненными «уважения» И. Самойловича и генеральной старшины к Андрусовскому перемирию 1667 г. о разделе Украины по Днепру. За исключением вопроса о Киеве, со всеми другими положениями указанного договора Гетманщина соглашалась полностью. В частности, ст. 5 как бы извинялась перед королем Речи Посполитой за действия гетмана Д. Многогрешного, который самочинно взял под охрану от ляхов Гомель и ряд других городов и поселений Речицкого и даже Мозырского уездов, т. е. фактически присоединил к Гетманщине значительную часть территорий от правого берега не только реки Сож, но и Днепра. Статья предписывала веление освободить эти пространства от переселенцев из Гетманщины и «в дальнейшем Королевского Величества земель и всяческих угодий снова не занимать и никаких споров и зацепок не делать, а жить с Королевского Величества людьми спокойно». Для решения возможных пограничных споров с Польшей предполагалось создание общих межевых и расправных судов.

Относительно П. Дорошенко Конотопские статьи, наоборот, оказались явно нелояльными. Они осуждали правобережного гетмана за стремление к союзу с Турцией, подготовку к войне с Польшей (в скором времени такая война — победная для султана и 12-тысячного войска П. Дорошенко — началась) и формулировали суровый запрет любой помощи казакам Правобережья. Относительно других внешних отношений, то в ст. 8 констатировалось несоблюдение со стороны царя прежде достигнутых договоренностей о привлечении украинских представителей в составе общероссийских делегаций и повторялось обещание самодержца в дальнейшем таких представителей привлекать «для прислушивания их Украинских дел». Обратим внимание: определение «украинский» в предыдущих статьях-конституциях почти не употреблялось.

Подчеркнем и то, что новые статьи грубо нарушали право Войска Запорожского на международные отношения, зафиксированное в предыдущих конституциях 1654 и 1669 гг., которые формально оставались действующими.

Из других положений Конотопского документа следует выделить: во-первых, обязательство Гетманщины не принимать и не удерживать беглых из России

солдат, драгун и «других чинов людей», которые не желают служить русскому царю, а также людей боярских и крестьян, которые совершили убийство, разбой, кражу или другое преступление и убежали к Малороссию; во-вторых, запрет кому-нибудь из землевладельцев чинить препятствия на водных путях соединения строительством мельниц, запруд, загат и т. п.; в-третьих, отмена ст. 22 Глуховских конституций о создании официального репрессивного органа в виде тысячного отряда казаков-реестровиков во главе с украинским полковником для подавления любых волнений среди народа или выступлений против царя, поскольку этот отряд «жителям совершает всякое разорение и образы».

И уже через 6 месяцев, т. е. в начале 1673 г., ряд Конотопских конституционных положений были нарушены и И. Самойловичем, и московским царем Алексеем Михайловичем. Гетман убедил самодержца в потребности и возможности отвоевания Правобережной Украины, используя войну Турции в союзе с П. Дорошенко против Речи Посполитой. Причем когда войска И. Самойловича и Г. Ромодановского вступили на Правобережье, почти все полки П. Дорошенко перешли на сторону левобережных казаков и московских драгун.

Вдохновение первых побед в борьбе за Правобережье побуждало И. Самойловича 19 марта 1674 г. по благословению царя принять на себя титул гетмана обеих сторон Днепра и заключить в связи с этим новые конституции под названием «Статьи, постановленные в Переяславе с Гетманом обеих сторон Днепра Иваном Самойловичем» [44, 252–258]. Их насчитывалось 20, и потому «конституционное пространство» функционирования Войска Запорожского вплоть до 1687 г. имело уже 68 статей.

Но следует заметить, что многие из них не только повторяли, но и противоречили друг другу, поскольку хотя их и одобрил один самодержец российский, гетманов Войска Запорожского было трое, а исторические обстоятельства заключения конституций изменялись с калейдоскопической скоростью. Не стали исключением относительно повторов и разногласий и Переяславские конституции 1674 г. Статьи 1, 3, 4, 8, 12 повторяли, соответственно, статьи 1, 3, 4, 6, 7 предыдущих Конотопских конституций. В них речь шла о вечном подданстве Гетманщины русскому царю и его «благоверным потомкам», запрете внешних сношений для генерального правительства Войска Запорожского, категорическом отказе в военной помощи турецкому султану, о предотвращении злоупотреблений гетмана в отношениях с казацкой старшиной и привлечении к ответственности последней только по решению Рады старшин или суда, немедленном изгнании Гетманщиной беглецов из русских земель, которые совершили там те или иные преступления.

При повторах делались лишь некоторые уточнения. Скажем, запрет внешних отношений сопровождался акцентированием на особой неприязни к турецкому султану и крымскому хану и почти не имел традиционных любезных эпитетов в адрес польского короля. Статья 3 Переяславских конституций обязывала гетмана в случае получения писем от зарубежных монархов немедленно отправлять их в Москву в нераспечатанном виде. Немало повторов и разногласий сравнительно с Глуховскими (1669) и даже с первыми Переяславскими (1654) имели и другие положения рассматриваемого документа.

Новые Переяславские статьи особое внимание уделяли правовому статусу только что внедренной должности гетмана обеих сторон Днепра, которым стал И. Самойлович. Статья 5 подчеркивала: если он, «забыв страх Божий

и Великого Государя преобладающую и незабываемую милость», начнет любые волнения, то старшина должна немедленно сообщить об этом царю, а гетману ни в каком случае не верить. Но без разрешения самодержца гетмана переизбирать запрещалось (ст. 6). Даже в случае смерти И. Самойловича избрание нового гетмана должно было происходить лишь по велению царя (ст. 7).

Щедро выписывались и элитные права казацкой старшины [5]. Самодержец гарантировал высокое жалованье за службу реестровым казакам, количество которых сравнительно со временами Б. Хмельницкого уменьшалось втрое, со временами Д. Многогрешного – в 1,5 раза, т. е. составляло 20 тыс. человек. Генеральный обозный и генеральный писарь, согласно ст. 16, получали царского жалования в 33,5 раза больше по сравнению с простым реестровиком (генеральный есаул – в 13,5 раза, генеральный судья – в 10, полковой есаул – в 6,5, сотник – в 3,5 раза больше и т. п.). Комплектование реестрового войска должно было происходить за счет опытных казаков, а в случае их недостатка до 20 тыс. – новобранцев из мещанских и крестьянских детей. В случае нападения противника или необходимости выступления в поход реестровики должны были собираться на реке Росава между Каневом и Корсунем (ст. 2).

Имения казацкой старшины, их земли, поля, леса, покосные луга, озера, мельницы и т. п. после смерти господина передавались в собственность их женам и детям (ст. 14). Жены казаков, оставшись без мужа, освобождались от уплаты налогов, но если они выходили замуж за мещанина или крестьянина, то соответственно переходили в другое сословие и таких привилегий лишались. Важную льготу для казаков устанавливала ст. 15: их дворы не могли становиться местом для проживания военных постояльцев. Эти повинности налагались исключительно на мещан и на крестьян. Тянуло за собой наказание оскорбления казаков словами «мужик», «деревенщина», «предатель» и т. п. Нарушителей приписывалось «унимать и карать насмерть» (ст. 10).

Лишив Гетманщину права на внешние отношения, царь брал на себя обязательство информировать старшину о ходе и результатах международных переговоров России (ст. 20). Не возражал самодержец и против возможности возвращения к бывшим местам проживания на Украине военнопленных, которые оказались в Московии (ст. 9), но он существенно ограничивал украинских купцов в торговле вином и табаком под предлогом того, что это разрушает царскую казну (ст. 11). Под страхом жестокого наказания запрещалось вывозить из Украины табак и вино, кроме пограничных городов. Товар в таких случаях конфисковался безоговорочно.

В дальнейшем конституционное право Гетманщины эволюционизировало во времена наследников царя Алексея Михайловича, конечного деления Украины между Польшей и Россией по Днепру по «Вечному миру» 1686 г., при условиях фактической ликвидации правобережной казацкой организации, преобразования России в самодержавную империю и т. п.

В 1676 г. Великий государь и царь «всей Великой, Малой и Белой Руси» умер, и власть перешла формально к юному Федору Алексеевичу, а фактически к нескольким боярским кланам. Одни из таких кланов, руководствуясь прежде всего собственными меркантильными интересами, поддерживали Федора, другие – то ли Софью Алексеевну, то ли совсем малолетних чад и наследников Иоанна Алексеевича или Петра Алексеевича. Наверное, жестокая борьба за пребывание у трона в Москве отодвинула в тень интерес русских бояр к крайне раз-

рушенной Правобережной Украине, что сказалось в Бахчисарайском договоре 1681 г. Уже во время царствования Софьи Алексеевны в 1686 г. Правобережье, за исключением Киева и его ближайших окраин, было «навечно» отдано Речи Посполитой, а Запорожская Сечь перешла в «двойное» подчинение России и Гетманщины. Немного раньше в полном ведении московского патриархата оказалась и украинская православная церковь. Распространенное в Украине коварное доносительство генеральной старшины друг на друга и собственных проводников привело в июле 1687 г. к обвинению гетмана И. Самойловича в измене и ссылке его в Сибирь.

Право Украины-Гетманщины развивалось в начале этого периода именно в таких исторических условиях. 25 июля 1687 г., т. е. сразу после отнятия булавы у И. Самойловича, были приняты Коломакские конституции. Этот документ, состоявший из 22 статей [45, 305–319], оказался уже седьмой надстройкой (три из них, т. е. конституции 1659, 1663 и 1665 гг., были упразднены) над актами Б. Хмельницкого 1654 г., которые, как и дополнение к ним 1669, 1672 и 1674 гг., оставались действующими. Итак, в 1687–1708 гг. «Конституция Украины» фактически насчитывала 90 статей, которые во многом повторяли, подтверждали, отменяли одна другую, т. е. это был конгломерат противоречивых правовых положений, из которых практически применялись первейшие статьи и монаршие грамоты 1654 г. и статьи последнего гетмана. Коломакские конституции имели высшую юридическую силу свыше двух десятилетий, т. е. дольше всех аналогичных правовых актов. Генеральная казацкая рада от лица «и гетмана, и всей старшины, и Войска Запорожского, и народа Малороссийского», с одной стороны, царевна и малолетние цари, В. Голицын и еще почти десяток русских бояр, воевод, окольных, стольников и думных дяков, присутствующих во время избрания И. Мазепы — с другой, заключили договор конституционного характера, которым подтверждались казацкие права и вольности, предоставленные Алексеем Михайловичем.

Но это было лишь внешним прикрытием нового давления на автономию Гетманщины. Генеральная рада фактически прекращала существование и передавала свои функции Раде старшин, которая продолжала интриговать и в мазепинские времена, склоняя гетмана то к Порте, то к Крыму, то к Польше, то к Швеции. Сила русских правителей после подписания Коломакских статей особенно ощущалась в Киеве, Чернигове, Переяславе, Нежине, Остре, где стояли московские ратные люди. Специальный Московский стрелецкий полк в Батурине, который нужно было кормить исключительно украинским хлебом, осуществлял надзорные функции относительно самого гетмана и охранял его резиденцию от коварных действий собственной казацкой аристократии, т. е. от Старшинской рады. Здесь очевидно недоверие к названному самоуправляющемуся учреждению как со стороны Москвы, так и самого гетмана. Но вместе с тем ст. 4 запрещала И. Мазепе отбирать у старшины царские грамоты на имения, а ст. 11 разрешала гетману менять членов Старшинской рады, т. е. генеральную старшину и полковников, исключительно с разрешения царя. Тем самым правовое положение казацкой элиты значительно укрепилось, но Старшинская рада, как и раньше, не имела права самовольно переизбирать гетмана. Существенным нововведением, наносившим ощутимый удар по самоуправляющимся казацким органам, которые определяли раньше кандидатуру проводника на основе равногo голосования, оказался запрет избирать гетмана без предыдущего согласо-

ния с царем, «без челобитной и без Указа Великих Государей» (ст. 6). Свобода выборов, таким образом, отменялась.

Количество казацкого реестрового войска снова увеличивалось с 20 до 30 тыс. человек. Остался неизменным и уровень «милостивого жалования» старшинам и казакам из кармана того же украинского народа. Практически приоткрывались для малороссов границы России, но не для торговли. В то же время Коломакские конституции решительно отбрасывали требование казацкой старшины на хотя бы ограниченные дипломатические отношения с соседними государствами, категорически запрещали торговые связи с Крымом, устанавливали жесткие преграды на пути перехода из крестьянского состояния в казачество, фактически признавали «вечное» польское господство на Правобережье, навязывали жителям Украины под страхом смертной казни довольно сомнительные денежные знаки — чехи, принуждали Гетманщину к участию в войнах России против Крыма и Турции, к строительству укреплений на реках Самаре, Орели, Берестовой, Корчике и т. п.

Немалое значение для правовых основ функционирования Гетманщины имела ст. 19, которая впервые открыто провозглашала курс на объединение украинцев и россиян в один народ, в одно общее государство. «Малороссийский народ всякими средствами с Великорусским народом соединять и в неразрывное и крепкое согласие приводить через заключение брака и другое поведение» [45, 318]. Эта же статья запрещала даже упоминать о том, что Малороссийский край строится на основе гетманского регламента, и приписывала жителям Войска Запорожского «единогласно подчеркивать», что они есть «их Царского Пресветлого Величества Самодержавного государства... народом Малороссийским вместе с Великорусским народом» [45, 318]. Такого рода документы И. Мазепа «воспринимал радостно» и присягал на Библии на вечную верность русским монархам. Через короткое время именно эти предписания гетмана стали «юридической основой» не только для уничтожения отечественной государственности, а и даже для искоренения украинского языка.

К «активу» гетмана и старшины Войска Запорожского можно отнести такие положения Коломакских конституций, как запрет русским воеводам, в т. ч. и в «Богом спасенном граде Киеве», вмешиваться в местное судопроизводство и другие внутренние дела, включая сбор налогов (ст. 2), освобождение высочайшей казацкой элиты от любых поборов (ст. 3), сохранение за ней предоставленных прежде дворянских титулов (ст. 4), запрет царским послам, посланцам, гонцам самочинно останавливаться в дворах казацкой старшины, отбирать у нее подводы и коней без разрешения представителей местной власти (ст. 5), обязательство Москвы предоставлять военную помощь при внешнем нападении (ст. 7), не противоречить возвращению в родные места бывших пленников-украинцев, если они не совершили преступления на территории России (ст. 9), оставлять в силе правила наследования казацкого имущества в случае смерти казака, но уже не женой и детьми, а только женой (ст. 15). Согласилась царевна и на еще одно официальное подтверждение действия монарших грамот 1654 г. относительно прав и вольностей мещан Киева и Нежина (ст. 18).

Все тягости военной повинности (постой, питание, предоставление амуниции и т. п.) перекладывались на мещан и крестьян [5]. Последних, как и казаков, под страхом наказания запрещалось называть предателями (ст. 8). Мятежников приписывалось подавлять и «карать на горло», а исполнять это должно было

установленное еще Глуховскими, а потом упраздненное Конотопскими статьями, но на самом деле оставленное и даже укрепленное И. Самойловичем специальное военное формирование из тысячи казаков во главе с полковником (статьи 12, 13). На конституционном уровне снова поощрялись доносы на гетмана и казацкую старшину (ст. 10). Как и раньше, вывоз в Россию украинского вина и табака тянул за собой безоговорочную конфискацию всего товара (ст. 14). Солдат, драгун, «людей других чинов», «людей боярских», крестьян, т. е. всех беглецов из России, приказывалось «не держать и из Малороссийских городов отдавать без всякой задержки» (ст. 8). Не остались без внимания составителей Коломакских конституций даже «пожитки» И. Самойловича и его детей: их поделили поровну между гетманской военной казной и царевной с царевичами (ст. 21).

Существенным «конституционным» нововведением в таком важном вопросе для Войска Запорожского, как проблема земельной собственности, стала передача военных имений, т. е. земель, которые находились раньше в распоряжении гетманской казны, в полное хозяйничанье московского трона. На время принятия Коломакских статей фонд военных имений значительно сократился вследствие их продажи (часто — элементарного разбазаривания) гетманской казной, самовольного завоевания старшиной «займанщины» незаселенных территорий, принудительной скупки, многочисленных «предоставлений и пожалований» крестьянских земель то ли гетманом, то ли царским правительством, превращение их в наследство казацких верховодов и т. п. Территории, которые остались, были разделены на земли свободные (общегосударственные) и ранговые (предоставлялись старшине временно на период несения службы). Количество свободных земель, которые посполитые, выполняя повинности по удержанию войска и администрации и платя налоги, считали своими на основании права обычая, имело тенденцию к уменьшению, а ранговые территории — к заметному увеличению.

Коломакские статьи-конституции оказались первым и единственным документом, который «дарил» Гетманщине Софья Алексеевна. 13 октября 1687 г. она еще и прислала И. Мазепе царскую жалованную грамоту, но ее содержание в основном отвечало принятым раньше конституциям. Через 2 года борьба Софьи с Петром I закончилась пострижением ее в монахини, а И. Мазепа стал одним из первых государственных деятелей, который еще во времена борьбы за корону встретился с юным монархом-победителем и вошел в его полное доверие. О том, что гетман на протяжении многих лет придерживался действующих конституционных положений, свидетельствуют многочисленные награды, имения и другие пожалования, полученные им от Петра I.

Во время Полтавской битвы 1709 г. И. Мазепа перешел на сторону Карла XII, после поражения которого гетман оставил Украину и в скором времени умер.

Дальнейшее развитие права Гетманщины в начале XVIII в. было связано с появлением нескольких актов — раздумий программного характера, изложенных преимущественно в 1710–1712 гг. гетманом в эзиле П. Орликом и его единомышленниками из числа отряда казаков-эмигрантов под популярными в то время названиями «пактов», «конституций», «манифестов», «договоров», «постановлений» и даже «вывода прав Украины». Известнейшим из них остается распространяемый в современной литературе документ под наименованием «Пакты и конституции законов и вольностей Войска Запорожского». Начальное

его название, которое более отвечает содержанию этого политического акта, — «Договор и постановление между Гетманом Орликом и Войском Запорожским» [46, 242–255]¹. Проект был составлен элитой казацкой старшины, проводниками церкви и шляхетства, упоминается в литературе как Бендерские статьи, Бендерские конституции, а в последнее время — еще и как «Конституция Пилипа Орлика».

С правовых позиций его можно расценить как договор-обязательство гетмана перед казацкой старшиной в случае избрания на высшую должность. Бендерские статьи отличаются от более ранних, но действующих конституционных актов 1654, 1659, 1663, 1665, 1669, 1672, 1674, 1687 гг. тем, что в них осуществляется попытка не только определить права и обязанности гетмана и старшины на будущее, а и обобщить общественно-политическое устройство казаччины, которое сложилось на основе соборности, права обычаев и военной демократии, т. е. «народной конституции» русов на протяжении почти полутора столетий существования Сечи и Войска Запорожского. Авторы Бендерских конституций не делали каких-то концептуальных открытий, не создавали новых государственных моделей, не провозглашали неизвестных им управленческих принципов, а довольно творчески подошли к опыту своих пращуров и изложили на бумаге то, что сложилось на практике, закрепилось в генетической памяти поколений и прошло многолетнее испытание. Это изложение они сделали на основе усвоенных ими достижений европейской политико-правовой мысли — признание естественных прав и свобод человека, идеальных (натуральных) прав народа, договорного происхождения государства, необходимости ограничения абсолютной власти монарха, известных еще в Давней Греции и Давнем Риме политических прав граждан на службу в войске, участие в общественной жизни, народном собрании, долю в общей собственности, занятие выборных должностей, защиту личных и имущественных прав в суде, частную собственность, сословные привилегии, всесторонне обоснованные начиная с XIII в. прав народов на свержение тирана и т. п.

Ощущается влияние на творцов Бендерских конституций идей Аристотеля, Марсилия Падуанского, Дж. Локка, С. Ориховского о распределении власти, учений Бодена, Кальвина, Гроция, Мильгона о народном суверенитете, принципиальных положений Великой хартии вольностей 1215 г. и Билля о правах 1689 г. об ограничении своеволия в налогах, отмене чрезвычайных судов, неприкосновенности личности и др. В рассматриваемом документе осуществляется попытка приблизительного определения территории Гетманщины, обоснование права запорожцев на значительную часть Днепра, определения состава

¹ На рубеже XX–XXI вв. в эмигрантской среде, в западной части Украины появились многочисленные издания документа под различными его названиями, преимущественно вымышленными, с множеством ошибок или нацеленных фальсификаций. Под давлением националистических сил даже Конституционный Суд Украины опубликовал одну из таких фальшивок под названием «Конституция Украинской Гетманской державы» как подлинный текст документа, и больше того — начал было его своеобразное постатейное «официальное толкование» [47, 83–94; 48, 100–104; 49, 85–88]. Из упомянутых изданий доверие вызывает лишь перевод, сделанный учеными Киевского университета с подлинного латиноязычного оригинала, озаглавленного как «Пакты и конституции (*constitutiones* — широко распространенное латинское слово, которое употреблялось в то время исключительно в значении «установления», «постановления», а не «основной закон государства») законов и вольностей Войска Запорожского» [50]. Что же касается споров о подлинности текста договора на украинском языке, якобы найденного в октябре 2008 г. в Российском государственном архиве давних актов, то они требуют более тщательного исследования. Напомним, что к «конституциям П. Орлика» весьма критически относились М. Грушевский, П. Дорошенко и ряд других общепризнанных историков.

Генеральной рады и в самых общих чертах ее компетенции, охраны казацкого имущества от разворовывания, создание хотя бы каких-то преград для карьеризма, злоупотреблений со стороны гетмана и полковников, утверждение привилегий Киева и других городов. Хотя документ написан элитой для элиты и не предусматривает участия народа в государственном управлении, заслуживают внимания декларации о недопустимости совершать вымогательство, угнетение, наложения и отягощения не только относительно военных, а и посполитых, предоставлении помощи казацким детям, распределении бремени налогов не только между крестьянами, но и купцами и казаками.

К конституционным проектам П. Орлика целиком обоснованно можно отнести и политические трактаты «Вывод прав Украины», «Манифест к Европейским правительствам» и некоторые др. [51, 86–94]. Главное их назначение — признание международным сообществом (в то время почти исключительно Европой) естественных прав «казацкой нации» на создание собственного государства в виде свободного княжества. Трактаты насыщены довольно распространенными уже на европейском континенте лозунгами о праве на протест против угнетения, о возвращении нациям возможности применения своих старинных прав, об исключительных правах и привилегиях сословий и князей и т. п.

Из общего содержания политических трактатов вытекает, что эталоном «независимости» казацкого княжества, «суверенности» Украины для П. Орлика является Гетманщина времен Б. Хмельницкого, а образцом для достижения — Дегтяривский договор 1708 г. И. Мазепы и Карла XII.

Вместе с этими конституционными проектами на Левобережье увидели свет ряд статей-конституций И. Скоропадского. Этому предшествовало то, что сразу после перехода Мазепы на сторону Карла XII и заключения между ними Дегтяривского договора (30 октября 1708 г.) Петр I выдал «премощнейшую грамоту» на избрание новым гетманом стародубского полковника И. Скоропадского (6 ноября 1708 г.), в которой «права, и вольности, и порядки военные от бывших Великих Государей... бывшим Гетманом в статьях изложенные» царем подтверждались. Грамота имела еще одну важную норму конституционного характера, о которой Петр I со временем напрочь забыл: «...Милостиво заботясь о народе Малороссийском ни одного пенязя во всем Малороссийском крае в казну изымать запрещаю» [26, 325–338; 30, 360].

6 ноября 1708 г. в Глухове И. Скоропадский был избран на должность гетмана обеих сторон Днепра, но традиционных при этом статей-конституций не принято. И, исходя из содержания царской грамоты, сохраняли силу все 90 формально действующих до этого статей Б. Хмельницкого, Д. Многогрешного, И. Самойловича и даже И. Мазепы. Лишь 17 июля 1709 г. появился «Решительный указ Великого Государя» на довольно скромные просьбы И. Скоропадского, писанные в обозе под Решетиловкой (теперь райцентр в Полтавской области). Эти два документа известны в истории под названием Решетиловских конституций, которые состояли из 14 статей [52, 325–338]. Из них ощущается исключительно уважительное отношение Петра I к Б. Хмельницкому, которого он цитировал неоднократно не только в упомянутых установках, а и во многих следующих актах. Формально царь еще раз признавал за Гетманщиной права и вольности казацкого сословия времен своего отца и Б. Хмельницкого, но уже в первом пункте указа подчеркивал, что просьбы И. Скоропадского о «содержательных, на подтверждение тех, что были,

статей, будут предоставлены в будущем, когда время позволит, так как сейчас из-за нехватки времени и похода его Величества в Польшу того совершить невозможно» [52, 326].

Тексты Решетилловских статей внешне не лишали ни гетмана, ни Генеральную раду, ни Раду старшин прежних полномочий. Но по смыслу новые конституции сделали такие полномочия неосуществимыми, утопическими, формальными. Украинские войска, ослабленные «запорожцами проклятыми через явную свою измену и противность» [52, 333], освобождались от военных походов на «нынешнее лето» (до его окончания оставался месяц), «кроме разве острейшей потребности» (ст. 8). Но фактически они переходили под полный контроль русского генералитета, т. е. командование 10 драгунских и 6 гренадерских полков, которые Петр I самочинно ввел на Украину (ст. 2). Если бы у гетмана возникло желание хотя бы как-то возобновить деятельность Генеральной рады, то делал бы это он отныне лишь по указаниям царского стольника А. Измайлова, который постоянно находился в Глухове и следил за каждым шагом И. Скоропадского. В Киеве такие надзорные функции осуществлял воевода Д. Голицын (ст. 7), хотя, опять-таки сугубо формально, воеводам относительно малороссов приписывалось «прав их и вольностей не нарушать, в суды и расправы их не вступать» (ст. 5).

Судя по реакции Петра I на просьбу о возвращении городка Котельвы Гадячскому полку (ст. 4), исчезали и полномочия гетмана или самоуправных казацких органов на решение некоторых вопросов административно-территориального деления Гетманщины. Отказал царь даже в возвращении захваченной в боях с мазепинцами артиллерии (статьи 3, 4). Раздражало самодержца и предложение гетмана освободить казацкие дворы от военных постояльцев, получившее ответ: «Малорусский народ и без того много милостей Царской Величественности имел и ныне имеет в удержании всех привилегий, вольностей и свобод» (ст. 6)¹.

Наверное, исходя именно из такого постулата Петр I под поводом осуждения предателей-сечевиков и с целью предотвратить возможность их возвращения на Сечь и собрания бунтовщиков запретил жителям порогов охоту, рыболовство, торговлю солью и т. п. (ст. 9). Вопрос о налогах и сборах царь оставил открытым (ст. 11).

Очевидно, все же опасаясь дальнейших выступлений казачества, Петр I приказывал воеводам следить, чтобы русские солдаты не совершали своеволия относительно жителей Войска Запорожского, а ответственность за это возложил на стольника А. Измайлова и князя Д. Голицына (ст. 7). Вмешательство во внутренние дела со стороны воевод допускалось лишь в отдельных случаях и только по согласию местных полковников или другой казацкой старшины. Гетманских сердюков и компанейские войска приписывалось поставить на питание в местах, не разрушенных войной, и выплачивать им жалование в полном размере (ст. 11).

Учитывая то, что много дворов мещан Чернигова было разрушено на материалы для строительства фортификационных сооружений вокруг города, пострадавшим разрешалось возводить новые помещения на удобных для них

¹ В приведенных выше первоисточниках статей И. Скоропадского, опубликованных М. Маркевичем, очевидна ошибка царской канцелярии, которая состоит в том, что ответ Петра I на с. 6 помещен под номером 7, а на с. 7 — под номером 6.

земельных участках, но крепости не занимать (ст. 12). Важное значение для эффективности управленческой деятельности гетмана и Генерального правительства имело суровое указание царя в дальнейшем присылать из Москвы указы и распоряжения исключительно на имя гетмана и только от самого самодержца, Малороссийского приказа или от министров, «которым эти дела подчиненные, а не от кого другого» (ст. 13).

Сами по себе Решетилевские пункты И. Скоропадского — это своеобразный конституционный протест, изложенный в форме заявления о намерениях, что юридической силы не имело. Но скрепленные предписаниями царя в виде Решительного указа по каждому из таких пунктов в совокупности они вступали в силу и превращались в очередные 14 дополнений к формально действующим 90 статьям «конституции Украины», т. е. конгломерат гетманских пунктов 1654, 1669, 1672, 1674, 1687 гг. и ряда царских жалованных грамот.

Стремление И. Скоропадского к восстановлению некоторых прав Гетманщины не останавливались на охарактеризованных конституциях. В литературе распространена ошибка в отождествлении понятий «Решетилевские статьи» и «Статьи И. Скоропадского». Гетман посылал царю просьбы в виде статей почти до конца своей жизни, и вместе взятые они по объему и содержанию намного превышают собственно Решетилевские конституции. Скажем, через год после вступления в силу последних, И. Скоропадский обратился к Петру I с требованием прекратить грабежи со стороны московского войска, что вызвало довольно содержательный манифест царя от 11 марта 1710 г. [53, 262–264] Такая же положительная реакция русского самодержца стала следствием «просящих пунктов» гетмана о чрезмерных поборах воевод на украинских землях [54, 264–266].

Но на этом «заслуги» царя относительно конституционирования автономии Войска Запорожского в составе Русской империи, наверное, исчерпываются. В дальнейшем его действия, именные и «решительные» указы почти целиком были направлены на уничтожения автономных прав Гетманщины.

После образования в 1722 г. Малороссийской коллегии и смерти И. Скоропадского «Конституция Украины», что представляла собой к тому времени своеобразную смесь из 104 формально действующих статей Б. Хмельницкого, Д. Многогрешного, И. Самойловича, И. Мазепы, И. Скоропадского и ряда монарших грамот и указов, на пять лет превратилась в «мертвый акт», поскольку ее действие фактически приостановила явно «антиконституционная» Инструкция бригадиру С. Вельяминову, утвержденная Петром I 16 мая 1722 г. [55, 322–325] Попытки наказного гетмана П. Полуботка высказать протест закончились его заключением и смертью в Петропавловской крепости. Требования остатков Рады старшин во главе с миргородским полковником Д. Апостолом в виде «Коломакских челобитных» относительно восстановления деятельности Генеральной рады для избрания нового гетмана тоже не имели успеха и привели к новым репрессиям. Еще одним грубым игнорированием «Конституции Украины» стала передача дел Гетманщины из Коллегии иностранных дел в Сенат, т. е. циничное демонстрирование отношения к Войску Запорожскому как к внутренней провинции России, а не автономному государству.

Некоторые сдвиги в этом плане появились лишь после смерти Петра I и императрицы Екатерины I. Настойчивость Д. Апостола привела в 1727 г.

к ликвидации Малороссийской коллегии, избранию его гетманом Украины и возобновлению деятельности Рады старшин. Воспользовавшись враждой А. Меншикова с С. Вельяминовым, которые не поделили между собой украинские имения, при фактической бездеятельности малолетнего императора Петра II и при участии некоторых генеральных старшин, полковников и бунчуковых товарищей, Д. Апостол добился 27 июля 1728 г. новых конституций для Гетманщины, которые вошли в историю под названием Решительных пунктов [56, 344–390]. Сначала они обрабатывались в Верховном тайном совете, откуда их было снова отправлено старшине для формулирования дополнительных разъяснений, а потом возвратились на еще одно изучение Тайным советом.

Опять-таки со ссылкой на статьи Б. Хмельницкого в Войске Запорожском формально восстанавливалась деятельность Генеральной казацкой рады, для которой возрождались полномочия «свободными голосами избирать гетмана», но только по разрешению и согласию монарха (ст. 2). Рада генеральной старшины могла комплектоваться не только из избранных высших должностных лиц правительства, полковников, сотников, но и из числа двух-трех кандидатов, согласованных с гетманом и императором (ст. 3). Важным нововведением были гарантии гетмана, что депутатами такой Рады могут становиться и иностранцы, т. е. россияне. С одной стороны, правовое положение избранных старшин упрочивалось приравниванием полковников к русским генерал-майорам, обещаниями предоставления за службу земли и имений, а с другой — члены Рады попадали в очень сильную зависимость от гетмана, так как царские грамоты на собственность отныне должны были выдаваться лишь по его личной просьбе и преимущественно только на время службы (статьи 10, 12)¹.

Существенно повышалась роль Рады старшин в судебных делах (ст. 1). Восстанавливался старый принцип «где три казака, там два третьего должны судить». Наверное, впервые в тексте конституций использовалась категория «малороссийские права» (преамбула). Рядовых казаков должны были судить куренные и другие атаманы, посполитых — сельские атаманы, мещан — войты «по своим артикулам и от своих людей». Следующей инстанцией определялись суды сотенные и городские (градские), дальше — полковые. Генеральный суд, который теперь состоял из трех украинцев и трех россиян, не был высочайшим арбитром, так как его решение можно было обжаловать гетману «яко президенту того суда». Если гетман имел сомнение относительно приговора, он собирал Старшинскую раду — «Генеральных персон и полковников общим следствием апробировать». При этом Рада старшин имела полномочия не только отменять решение Генерального суда, но и налагать на судей штраф в пользу незаслушено наказанного. Неудовлетворенные постановлением гетмана или Рады старшины получали право «бить челом его Императорскому Величеству в Коллегии иностранных дел».

Последнее положение, утвержденное в специальном указе императора, имело немалое значение не только для некоторого подъема авторитета самоуправных органов Гетманщины, а и для признания автономного статуса Войска Запорожского: Москва снова намекала на его «иноземность». Из других положений рассматриваемых конституций следовало бы отметить официальное

¹ Это было вызвано тем, что ранговые войсковые имения повсеместно присваивались жадной старшиной, а количество свободных земель стремительно уменьшалось.

«пополнение» Рады генеральной старшины генеральным подскарбием-россиянином, который вместе со своим коллегой из числа украинцев должен был присматривать за сбором налогов, осуществлением выплат и предотвращать злоупотребления при этом со стороны полковников и других казацких атаманов (ст. 7). Безусловной заслугой Д. Апостола стало значительное расширение полномочий Старшинских рад в области организации торговли и промысла (ст. 15), попытка поставить преграды на пути скупки за бесценок или откровенного захвата украинских земель великороссами (статьи 16 и 19), законодательное закрепление принципа комплектования некоторых военных частей на добровольных началах (ст. 6), вывод из Гетманщины сербских войск (ст. 5), постановку вопроса о перенесении столицы из Глухова в более удобное для Украины место (ст. 11) и т. п. Некоторые требования гетмана (о новом статусе беженцев из России, высылке из Украины раскольников) молодой император отклонил, одну статью (об имуществе старшин) оставил без ответа, еще одну (о границах со Слобожанщиной) перенес для будущего рассмотрения. Но на абсолютном большинстве из них, хотя иногда и с оговорками, стоит повеление: «По этому быть так».

В целом, несмотря на некоторые слишком снисходительные компромиссы в отношениях с Россией, откровенно враждебное отношение к евреям (ст. 15), содействие в дальнейшем закреплении крестьянства, Д. Апостол немало сделал для восстановления деятельности Рады старшин, предотвращения полного ее обрусения, консолидации украинского общества, торможения процесса деформации Гетманщины как политического тела. Вместе с тем с утверждением Решительных пунктов по инициативе гетмана в Глухове началась интенсивная работа по кодификации украинского права, главной целью которой стало обоснование стержневой конституционной идеи относительно автономного статуса Украины, права на самоуправление и т. п. Бесспорным вкладом Д. Апостола в формирование конституционных основ функционирования Гетманщины стали его дальнейшие инструкции и универсалы, направленные на усовершенствование деятельности судебной системы и судопроизводства, отказ империи от введения новых видов налогообложения, на защиту прав украинских городов, восстановление украинской администрации, упорядочение землевладения и землепользования и т. п.

Последний виток в своей эволюции в XVIII в. право Гетманщины сделало в 1750–1764 гг., т. е. во время пребывания на высшей государственной должности К. Разумовского. Причиной такого кратковременного взлета стало возобновление внимания с помощью А. Разумовского императрицы Елизаветы Петровны к конституциям Б. Хмельницкого и царским жалованным грамотам Гетманщине своего деда Алексея Михайловича. 18 декабря 1749 г. императрица издала грамоту, в которой подчеркивалось, что «Ее Императорское Величество повелела обещать своим Императорским словом новоизбранному Гетману и всем верным подданным Малороссийского народа все вольности, права и привилегии, которые они имели со времени принятия под Русское государство Б. Хмельницкого с Войском Запорожским и всем Малороссийским народом нерушимо держать» [57, 503–504]. Правление гетманского правительства было ликвидировано, а на расширенном заседании Рады старшин под видом собрания Генеральной военной рады в Глухове гетманом Украины был избран 22-летний потомок старинного казацкого рода К. Разумовский. Традиционные статьи-конституции при

этом не утверждались. Сугубо формально действующими оставались все 123 пункта конституций 1654, 1669, 1672, 1674, 1687, 1709 и 1728 гг., а на самом деле в официальных документах императрицы и Гетманщины упоминались лишь Переяславские статьи Б. Хмельницкого.

Но молодой гетман в Глухове бывал редко, а Генеральная военная рада, как и на протяжении первой половины XVIII ст., не собиралась. Это создало условия небывалого для Гетманщины подъема роли Рады старшин, которая под фактическим главенством гетманского обозного С. Кочубея стала действительным верховодом на украинских землях, управляя «всякими военными и гражданскими делами на основе Военных прав, бывших обычаев и установленных пунктов в... Малороссийских правах, подтвержденных указами Малороссийскому народу» [57, 503–504]. Это положение из универсала К. Разумовского свидетельствует о формальном признании всех не упраздненных в разное время статей-конституций бывших гетманов [35].

Отсутствие «вторых Глуховских» статей в 1750–1764 гг. позволяло и императрице, и К. Разумовскому беспрепятственно вмешиваться в «конституционное пространство» Гетманщины, изменять его и дополнять то ли монаршими грамотами, то ли гетманскими универсалами, тексты которых фактически готовил все тот же С. Кочубей. Еще одной особенностью права Гетманщины рассматриваемого периода стало возвращение на Украину пропольского шляхетского духа, который властвовал на собраниях Рад старшин, стремление предоставить этим собраниям многие черты сейма Речи Посполитой.

Значительным конституционным завоеванием Старшинской рады Гетманщины можно считать временное возвращение Украины к ведению Коллегии иностранных дел, распространение полномочий гетмана на Запорожье, реформирование войска на традициях бывших неписаных «казацких конституций», его перевооружение, постановку вопросов относительно восстановления дипломатических связей Гетманщины и т. п. Были подготовлены, но не реализованы и радикальные предложения относительно изменения конституционного статуса Гетманщины. Она должна была превратиться в конституционную монархию со столицей в Батурине, в которой царствовала бы династия Разумовских, ограниченная сильным парламентом.

Но на пути осуществления таких планов стала императрица и ее окружение. Елизавета Петровна, будто бы испугавшись собственного «демократизма» относительно Украины, путем образования Новой Сербии, Славяно-Сербии и других искусственных административных единиц фактически начала ликвидацию полкового устройства, отменила таможенную границу между Гетманщиной и Великой Россией, чем очень сильно подорвала финансовое состояние Малороссии, так как прибыли от таможенных сборов шли именно в гетманский скарб, потом еще больше усилила финансовый контроль над Гетманщиной, а со временем решительно отвергла все просьбы К. Разумовского и Рады старшин о хотя бы ограниченных дипломатических отношениях и т. п. Относительно военных имений, то все они за время хозяйничанья последнего гетмана были присвоены и обращены в наследство той же казацкой старшиной, загребущие настроения которой очень метко охарактеризовал С. Величко: «Для серебра и злата не только каждый из них дал бы выколоть себе глаз, но брата и отца своего не пощадил бы; то как бы должен был жаловать матки погибающей Украины». Почти не осталось к этому времени и свободных производителей —

посполитых, поскольку разграблены были и все земли общегосударственного фонда.

Окончательную же точку в эволюции права Гетманщины XVII–XVIII вв. поставила Екатерина II. Немалую «помощь» императрице в этом деле оказала украинская элита, которая, руководствуясь исключительно собственными меркантильными интересами, в который раз предала украинский народ¹. Формальным основанием для отмены автономии Украины послужила записка воспитателя К. Разумовского, начальника его личной канцелярии, статс-секретаря императрицы Г. Теплова под названием «Самые секретные примечания настоящего состояния Малороссии». Мысли выдающихся украинских исследователей Н. Костомарова, П. Кулиша, А. Лазаревского, А. Ефименко, А. Марковича и др. по этому поводу можно обобщить в определении Гетманщины как «прогнившего дерева, которое само должно было рухнуть, будучи подточенными своими внутренними болячками» [58, 44; 59].

Итак, гетманские статьи (конституции) были краеугольным камнем, стержнем систематизированной (писаной) национальной правовой системы второй половины XVII–XVIII вв. Определенным ее дополнением, как уже отмечалось, становились грамоты, манифесты и другие акты русских царей и императоров, которые навязывали Украине-Гетманщине их собственное видение ее правового статуса, акты Малороссийского приказа (1663–1722), русских резидентов при гетманском правительстве (с 1709 г.) и воевод, Малороссийских коллегий (1722–1727, 1764–1786), Правления гетманского правительства (1734–1750), ряд международных договоров России (1667, 1672, 1686 гг. и др.), многочисленные гетманские универсалы, которые отображали сосредоточение в руках «верхнего властелина и хозяина Отчизны нашей» и законодательной, и исполнительной, и судебной власти, акты генерального правительства, генеральной старшины, полковников и полковых Рад, магистратов, сотенной и городской старшины, сельских атаманов и т. п. В гетманских конституциях неоднократно подтверждалось действие ряда предписаний III Литовского статута, сборников городского, хелминского права², а начиная с XVIII в. был открыт широкий путь для проникновения на Украину общегосударственного русского права, которое постепенно вытесняло систему гетманского права. Первым уступил место русскому праву юг Украины, потом — Слобожанщина и, наконец, вся территория Левобережья. Что же касается Правобережной Украины, то здесь почти до конца XVIII в. довольно влиятельным источником права (кроме обычного, Литовского и Магдебургского) оставались акты центральной власти Речи Посполитой, обеспечивавшие (например, Кардинальные права 1768–1775 гг.) полное господство шляхты и католической церкви во всех сферах права и полное бесправие крестьян.

Отметим, что именно на период Гетманщины (со второй четверти XVIII в.) приходится начало кодификации национального права, которое, с одной стороны, было вызвано стремлениями украинских феодалов уравниваться в правах с русским дворянством, а с другой — «мешаниной» многочисленных правовых

¹ За отказ от гетманства К. Разумовский получил 50 тыс. рублей ежегодной пенсии, город Гадяч с окрестностями и другие огромные имения.

² Именно в период Гетманщины значительно расширилось понимание проанализированного выше «Порядка прав городских», изданы практические пособия о применении магдебургского права «Краткий указатель магдебургского права по книге Порядка», «Коротенькие извлечения из “Порядка”», и др., переведенные с латинского и польского языков работы М. Яскера, Б. Гроицкого, П. Кушевича, П. Щербича и т. д.

источников, которые довольно часто не только противоречили, но и опровергали друг друга. Русское самодержавие, надеясь как можно быстрее полностью включить Украину в правовую сферу России, оказывало содействие кодификационным процессам [18; 60–63]. «Первотолчком» для этого оказался императорский указ от 28 августа 1728 г., результатом которого стал сборник «Права, по которым судится малороссийский народ» 1743 г. и добавленные к нему «Степенный малороссийского воинского звания порядок по гетмане», инструкции кодификационной комиссии и алфавитный реестр. Сборник не был введен в действие официально, но сыграл чрезвычайно важную роль в эволюции украинского права не только казацкого периода, но и будущих времен. Хотя Права и предоставляли дворянские привилегии казацкой верхушке, формулировали нормы именно на их защиту, создавали условия для беспощадной эксплуатации украинских крестьян и т. п., однако в них довольно четко обосновывалось право Левобережья на самоуправление, т. е. на автономный статус в составе Российской империи.

Этот «Всесборник законов Войска Запорожского» (термин А. Яковлева) вмещал предписания не только государственного, но и административного, гражданского, уголовного права, судостройства, судебного процесса, обобщал казацкие фактические конституции и т. п. Кодекс «без движения» просуществовал до 1759 г. и был отброшен К. Разумовским без доклада о нем самодержцам.

Еще одним выдающимся памятником рассматриваемых переводов стал сборник «Суд и расправа в правах малороссийских», составленный кандидатом в члены Генерального военного суда Ф. Чуйкевичем в 1750–1758 гг. по поручению того же гетмана К. Разумовского [64]¹. В работе собраны правила судебного гражданского процесса, судостройства и отдельные элементы наследственного и земельного права. В частности, в сборнике систематизированы предписания относительно собственности феодалов на землю, имения, закрепощение крестьян, ощущается попытка восстановить статутные суды, что оказывало бы содействие обеспечению полной независимости судов Гетманщины от российских судов, сокращало бы вертикаль апелляционных инстанций, исключая из них Сенат, частично восстанавливало бы судебную систему, которая действовала когда-то по Литовским статутам. Действительным пособием для свободной ориентации судей-практиков в действующих нормах Литовского и Магдебургского права оказалась частная кодификация В. Кондратьева «Книга Статут и протчия права молороссийския и другие, служащая к тому, переписки, трудов и собранія Василя Петрова сына Кондратьева», подготовленная в 1764 г. [21].

В 1767 г. по поручению второй Малороссийской коллегии ее секретарь и судья Генерального суда, будущий канцлер России А. Безбородько с целью восстановить в Гетманщине «старое» право собрал в архивах Генерального военного суда, Генеральной счетной комиссии, Генеральной скарбовой канцелярии главные юридические акты, которые действовали в Украине, и создал сборник «Экстракт малороссийских прав», который вместе с «Установлением о губерниях» 1775 г. стал основанием для переработки «Экстракта из указов, инструкций

¹ Первоисточник памятника не найден, а его рукописная копия от 1791 г. хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

и установлений», завершено в 1786 г. [65]. При этом из «Экстракта...» 1767 г. были изъяты отдельные разделы, которые вмещали предписания, утратившие силу в связи с разрушением Гетманщины, добавлены материалы по истории украинского права, его источники, акты, принятые на протяжении 1767–1786 гг., в том числе и русское законодательство. В таком виде «Экстракт...» 1786 г. был утвержден Сенатом и разослан для практического применения.

Стержнем гражданского права Гетманщины, как и раньше, оставалось право владения и собственности на землю как фундамент феодального хозяйствования. Такие права приобретались через куплю-продажу, наследство, пожалование (в т. ч. и ранговых земель), захват земель польских магнатов, освоение целины и т. п. Феодалы (старшина) получали землю как «на вечность» (вотчина), так и «к ласке военной» (ранговые имения). Последние могли предоставляться и царем (императором), и гетманом, и полковниками в зависимости от должности и оценки заслуг. Статус ранговых земель постепенно приближался к правовому режиму вотчин. Процесс перехода от частнособственнического владения к праву собственности особенно интенсифицировался после проведения «Генерального следствия по имениям» 1729–1730 гг. и генерального межевания 1765–1766 гг. [66–71]. Уже К. Разумовский распределял украинские земли исключительно «в вечное и потомственное владение». Все это полностью отвечало интересам крупных украинских феодалов и русского самодержавия. Казацкая верхушка, которая руководствовалась сугубо меркантильными соображениями, получала от Петербурга «полную компенсацию» за разрушение Гетманщины и ее правовой системы.

Что же касается украинского крестьянства, то оно во второй половине XVII в. еще сохраняло право распоряжения на землю путем «займа», «займанщины» (оккупации) земель, которые пока не стали собственностью старшины. Но на протяжении следующего столетия это право было у них отнято, а в 1783 г. состоялось их юридическое закрепощение.

Почти все нормы семейного, наследственного, договорного и других сфер гражданского права были восприняты правовой системой Гетманщины и включены в ее позитивное законодательство. Такие предписания характеризовались раньше.

Наверное, наиболее характерной чертой криминального права Войска Запорожского было заметное обострение стремления к торжеству справедливости, систематизации его предписаний и усовершенствование дефиниций отдельных преступлений. В частности, в число последних вошли не только посягательство на жизнь, здоровье, честь лица, его имущество, но и на «государственные интересы», включавшие измену государству, разглашение государственных тайн, сдачу без сопротивления городов или других поселений, оружия, другого имущества противнику и т. п. Фактически начали обособляться преступления против общины, религии, морали, семьи. Формы вины еще терминологически не выделялись, но сами преступления разделялись на умышленные, неумышленные, неосторожные, случайные, различались «главные преступники» и соучастники, обстоятельства, которые смягчают и повышают ответственность.

В зависимости от этого определялся вид наказания. Наиболее распространенным из них и за период Гетманщины оставалась смертная казнь, прежде всего за преступления против государства, общества, религии, морали. Смертная казнь сопровождалась чрезвычайными жестокостями и часто дополнялась предше-

ствующей пыткой. «Наказание на теле» означало избивание «публичным боем» или увечье. Со временем увеличивалось число наказаний в виде лишения свободы (заключение в «тюрьме верхней и «тюрьме нижней», временная и пожизненная ссылка, арест) или лишение чести и прав. Основное наказание часто сопровождалось дополнительным (просьба прощения, церковное раскаяние, отзыв оскорбления, изгнание из общины и др.). По обыкновению продолжала широко применяться головщина со значительной разницей в «оценке головы» убитого или пострадавшего [72–76].

Общая характеристика права Гетманщины нуждается в хотя бы кратком анализе эволюции украинского судопроизводства и процессуального права во второй половине XVII–XVIII вв. В 1648–1763 гг. здесь доминировали несколько разновидностей казацких судов – государственных (провинциальных и центральных), городских, сельских, доминиальных и духовных. Государственные провинциальные суды представляли собой вертикаль из наиболее низких коллегиальных судов атаманов (решали мелкие гражданские и уголовные дела рядовых казаков), сотенных судов (в пределах власти сотенных правительств, возглавлялись сотником и на коллегиальной основе рассматривали более сложные споры), смешанных казацко-мещанских судов (решали споры казаков с мещанами) и полковых судов во главе с полковником (решали дела в первой инстанции для старшины, во второй – апелляции на решения сотенных судов). Со временем вместе с судебной коллегией во главе с полковником компетенцию суда получила и полковая канцелярия.

В систему государственных центральных казачьих судов входили Генеральный военный суд при резиденции гетмана, Генеральная военная канцелярия как апелляционная инстанция для Генерального военного суда и первая инстанция для генеральной старшины, полковников, бунчуковых обществ и Гетманский суд во главе с гетманом как верховным судьей государства. Компетенция последнего фактически не обжаловалась: приговор гетмана на собственное усмотрение считался окончательным и обжалованию не подлежал.

Система городских судов включала магистратские, ратушные, городские суды и сравнительно с предыдущим, «догетманским» периодом не изменялась. В отличие от них копные суды постепенно приходили в упадок. Сельские суды решали споры крестьян. Что же касается когда-то довольно авторитетных доминиальных судов, то с началом Освободительной войны 1648–1654 гг. их деятельность почти замерла, после закрепления нового сословного деления – как бы возродилась, но значительного веса они так и не приобрели. Духовные суды функционировали и во времена Гетманщины. Однако государство значительно ограничило их компетенцию, особенно в криминальных и важных гражданских делах.

Период 1763–1783 гг. отмечается постепенным упадком казацких судов и их заменой по инициативе К. Разумовского статутными судами – земскими, полковыми и подкоморскими с единой апелляционной инстанцией для них – Генеральным военным судом. Таким образом, судебная система сделала важный шаг к отделению судебной власти от исполнительной. Последнего не произошло лишь в пределах Запорожской Сечи: низшими здесь считались суды куренных атаманов и паланковых полковников, высшими – суды военного судьи, кошевого атамана и сечевого рады. Отметим, что суд кошевого атамана, поскольку его

решение при определенных обстоятельствах можно было оспорить в Сечевой раде, был демократичнее, чем гетманский [77–81].

Относительно процессуального права Гетманщины, то его источники почти не отличались от проанализированного выше процесса во время пребывания украинских земель в составе Польши, Литвы и Речи Посполитой вплоть до кардинальных изменений в судоустройстве XVIII в., что повлекло за собой не только сосредоточение судебной и административной власти в руках гетмана и старшины, а и усугубило процесс множеством апелляционных инстанций. Как и раньше, применялись обе его формы — обвинительно-состязательная и расследовательная. Но кое-где наблюдалась тенденция к отделению гражданского процесса от криминального, т. е. гражданские споры решали преимущественно в обвинительно-состязательной, а криминальные — в расследовательной (инквизиционной) формах [82; 83].

Отметим, что если в Гетманщине на протяжении второй половины XVII–XVIII в. право все больше «позитивировалось», то в Запорожской Сечи казацкие обычные конституции оставались краеугольным камнем украинского права вплоть до ее разгрома в 1775 г. После этого «казацкие обыкновения» как главный источник права перекочевали в Запорожскую Сечь, и после неудачных попыток трансформировать их в правах и вольностях казаков на чужих землях то ли Турции, то ли Австро-Венгрии (Банат) продолжали эволюционизировать на разных территориях (Бугское казацкое войско, Войско верных черноморских казаков, Черноморское казачество, Азовское войско, Кубанское казацкое войско, Свободное казачество). Продолжаются попытки возродить обычное казацкое право и в современной независимой Украине, но широкого отклика в принципиально новых исторических условиях они не находят и превращаются в своеобразные фольклорные игры узкого круга любителей старины [84–86].

Существенной составной права Гетманщины была совокупность канонів православия, которое в Войске Запорожском, как и в России, в отличие от католической Европы, стало элементом церковного права вообще. Последнее оставалось не только основой для законодательства о браке, семье и наследовании, а и верой, которая признавалась идеологическим знаменем Освободительной войны 1648–1654 гг. Установленные православными канонами предписания о преступлениях против веры и церкви, убийствах родственников, а также изнасиловании, аборт, прелюбодеянии, половых извращениях и др. предусматривали, что духовенство и другие «люди церковные» подлежат юрисдикции церковных судов, еще в XVII — начале XVIII в. Но со вступлением в силу Духовного регламента 1721 г. круг таких дел начал значительно сужаться. Подсудными церкви оставались дела о признании брака недействительным, разводе, покушении на самоубийство, нарушении обязанностей священнослужителями и др.

Отличительными чертами украинского церковного права рассматриваемой поры стало полное господство православия, вытеснение униатства, фактическое и юридическое включение церкви в систему военно-административной организации, подчинение украинской православной церкви Московскому патриархату, фактическое руководство Синодом и многими епархиями в России выходцами из Украины и т. п. Правовое положение духовенства приравнивалось к статусу шляхты, а с апреля 1794 г. украинские митрополиты и другие высшие духовные

чины получили все права и привилегии соответствующих русских священнослужителей [87–95].

Значение украинской богословской мысли в становлении и эволюции права Гетманщины трудно переоценить. При отсутствии системы знаний об объективных закономерностях развития государства и права, их месте и роли в общественной жизни, т. е. юридической науки, именно богословы оказались концептуальным источником казацкой правовой системы. В этой связи следует назвать прежде всего И. Вышенского, Х. Филалета, Ю. Рогатинца, Й. Борецкого, И. Копинского, З. Копыстенского, братьев С. и Л. Зызаниев-Тустановских, К. Транквилиона-Ставровецкого, П. Могилу, И. Гизеля, Л. Барановича, И. Галятовского, Ф. Сафоновича, А. Вышоватого, А. Берестейского, М. Токаревского, Й. Кроковского, И. Максимовича, Д. Туптала, С. Яворского, Ф. Прокоповича, И. Кульчицкого, И. Горленко, М. Значка-Яворского и др. [96].

Конечно, православная церковная мысль была не единственным концептуальным источником правовой системы Гетманщины. Создавалась еще и идеология политико-правовых «умственных представлений мирских», т. е. светских мыслителей, которая тоже стала доктринальным фундаментом постепенного уконституцирования менталитетных морально-этических и правовых постулатов руссов в казацких конституциях периода Гетманщины, своеобразной консервации в них «правды и благодати» предков.

Именно во времена возникновения Войска Запорожского (Гетманщины) мир, особенно Европа и Северная Америка, вступали в новую эпоху общечеловеческой истории, эволюции конституционализма как практики к его стадии теории и движения (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Лильберн, С. Пуфендорф, Х. Вольф, Д. Вико и др.). Вступали в силу первые писанные и несистематизированные конституции Сан-Марино, Североамериканских штатов, Англии, Швеции и т. п. Доктринальные основы национального права Гетманщины задолго до появления украинской юридической науки вслед за гуманистами Ю. Дрогобычем, П. Русыном, Лукашем из Нового Мяста, Мартыном с Журавиць [97] развивали С. Ориховский, И. Пересветов, А. Курбский, К. Острожский, А. Римша, В. Малюшицкий (Сурожский), Д. и С. Наливайко, К. Сакович, М. Козачинский, С. Дивович, авторы Острожской, Львовской, Хмельницкой, Густинской, Межигорской летописей, достойные продолжатели их дела Самовидец, Г. Грабянка, С. Величко, наверное, первый украинский мыслитель мирового уровня Г. Сковорода, основатели не только украинской, а и общероссийской юриспруденции черкашанин Я. Козельский и нежинец С. Десницкий, первый классик украинской литературы И. Котляревский, поэт В. Капнист, доктор права и философии А. Шафонский, другие украинцы из интеллектуальной и духовной элиты Петербурга и Москвы XVIII в. (А. Безбородко, И. Хмельницкий, В. Рубан, П. Завадский, А. Чапа, П. Симоновский, О. Ригельман и др.)¹.

Таким образом, правовая система Украины-Гетманщины (Войска Запорожского) XVII–XVIII вв., впитав наилучшие традиции совокупности социальных регуляторов догосударственного восточнославянского общества, обычаев и символов антов и склавинов, объединений славянских княжеств, устных

¹ О месте и роли всех упомянутых и других ученых, политических и общественных деятелей в охране казацких конституций, о доктринальном обогащении права Гетманщины см.: [98–102].

и писанных социальных правил и норм княжеской Украины-Руси, языческих и христианских (особенно православных) верований и канонов, обогатившись путем рецепции или компиляции немецкого (Магдебургского), польского, литовского права, полностью восприняв довольно совершенные фактические казацкие конституции XIV — первой половины XVII в., родилась уже как истинно национальное право вместе с началом Освободительной войны украинского народа против польско-шляхетского господства и за возрождение национальной духовности.

На протяжении следующих почти полутора столетий право Гетманщины, существуя в форме обычных «казацких обыкновений», т. е. неписанных социальных регуляторов, которые охранялись силой их государства и традициями отцов, рукописных судебных актов и декретов, межгосударственных договоров с Турцией, Речью Посполитой, Крымским ханством, Молдавией, русскими государями, гетманских статей (конституций), общих и специальных, земельных, военных, служебных, охранительных, иммунитетных универсалов, инструкций, привилегий и других актов верховной, военной и местной власти Гетманщины, собраний законов, православных канонов, царских или императорских грамот и манифестов, стремительно революционизировало и приобрело в начале XVIII в. высочайшее развитие. Правовая система Войска Запорожского в упомянутое время ориентировалась на романо-германскую континентальную правовую семью, которая считалась тогда самой совершенной в мире, приближалась к кодификации, т. е. к глубочайшей стадии систематизации законодательства, опиралась на немалый юридический зарубежный опыт и могущественный отечественный интеллектуальный потенциал.

После выступлений И. Мазепы в 1707–1709 гг. настал период стагнации в развитии украинского права, а в скором времени — и его упадок как следствие повышения имперских стремлений русского царизма. За разрушением пенатов украинской духовности — Запорожской Сечи в 1709 г. Украину ожидали назначения царских резидентов при ее правительствах, русских воевод, отмена гетманства, искусственное торможение кодификации законов, ликвидация казацких полков, Новой Сечи, полково-сотенного устройства, юридическое закрепощение крестьян, насаждение общеимперского законодательства и собственных органов управления украинскими наместничествами, губерниями и генерал-губернаторствами.

Наследники славных гетманов и казацкой старшины, руководствуясь сугубо меркантильными интересами, довольно быстро превратились в верноподданных императора — малороссийских дворян. Гетманщина канула в небытие, но элементы ее правовой системы настолько проникли в сознание не только народа, но и определенных правящих кругов, что искоренить их не удавалось почти до середины XIX в.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Костомаров М.* Полное собрание сочинений. — СПб., 1903. — Т. 1.
2. *Антонович В.* Про часи козацькі на Україні. — К., 1991.
3. *Шерер Ж. Б.* Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорозжів. — К., 1994.
4. *Яворницький Д. І.* Історія запорізьких козаків : у 3 т. — К., 1990–1991.
5. *Мироненко О. М.* Права і свободи людини в державницьких змаганнях українських гетьманів. — К., 1995.
6. *Лащенко Р.* Лекції по історії українського права. — Прага, 1923.
7. *Леонтович Ф.* Руська Правда і Литовський статут. — К., 1864.

8. *Максимейко Н. А.* Источники уголовного законодательства Литовского статута. — К., 1894.
9. *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды. — Харьков, 1914.
10. *Юшков С. В.* Руська Правда. — К., 1935.
11. *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. — М.; Л., 1941.
12. *Толочко П. П.* Киевская Русь. — К., 1996.
13. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Немецкое право в Польше и Литве. — СПб., 1868.
14. *Багалец М.* Магдебургское право в Левобережной Украине // Журнал Министерства народного просвещения. — 1892. — № 3.
15. *Тарановский Ф. В.* Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи. — Варшава, 1897.
16. *Піч Р.* Магдебурзьке право в Україні // Український світ. — 1996. — № 8.
17. *Чубатий М.* Огляд історії українського права : історія джерел та державного права. — Мюнхен ; К., 1994.
18. *Права, за якими судиться малоросійський народ 1743 р.* — К., 1997.
19. *Слабченко М. Е.* Опыты по истории права Малороссии XVII и XVIII вв. — Одесса, 1911.
20. *Слабченко М. Е.* Центральные учреждения Украины XVII–XVIII ст. — Одесса, 1918.
21. *Василенко М.* Матеріал по історії українського права. — К., 1929. — Т. 1 (1722–1764).
22. *Пашук А. Й.* Суд і судочинство на Лівобережній Україні в XVII–XVIII ст. (1648–1782). — Л., 1967.
23. *Судебники XV–XVI вв.* — Л., 1952.
24. *Российское законодательство X–XX вв.* — М., 1985. — Т. 2–3.
25. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. — Л., 1980.
26. *История Малороссии Николая Маркевича.* — М., 1842. — Т. 3.
27. *Документи Богдана Хмельницького.* — К., 1961.
28. *Привілеія Короля Польського // История Малороссии Николая Маркевича.* — М., 1842. — Т. 3.
29. *Історія України.* — 1998. — № 34.
30. *Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
31. *Решение Земского Собора о воссоединении Украины с Россией 1653 г. октября 1 // Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы.* — М., 1954. — Т. 3.
32. *Договорные статьи Козаков с Царем Алексеем Михайловичем 1654 года // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1–4.
33. *Статьи Богдана Хмельницкого, утвержденные царем и Боярской думой, определившие положение Украины в составе Русского государства 1654 г. марта 21 // Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы.* — М., 1954. — Т. 3.
34. *Новыя Статьи, постановленные с Гетьманом Юрием Хмельницким, в 1659 году // Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1–4.
35. *Мироненко О. М.* Історія Конституції України. — К., 1997.
36. *Батуринския статьи (числом 5), постановленные с Гетманом Брюховецким // Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
37. *Статьи Гетмана Ивана Брюховецкого // История Малороссии Николая Маркевича.* — М., 1842. — Т. 3.
38. *Акт приезда в Москву Малороссийского Гетмана, Ивана Брюховецкого, учинившего, по сношению с Боярами и утверждению Государеву, 10 статей, кои новопоставленными или Московскими называются // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
39. *Акт пожалования Брюховецкаго, в бытность его в Москве, в Бояра, а Старшин в Дворяне 1665 года, Октября 22 // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
40. *Присяга Петра Борошенка в 1667 году, Октября 16 дня // История Малороссии Николая Маркевича.* — М., 1842. — Т. 3.
41. *Перевод с статей, на коих Гетман Петр Дорошенко желал учинить подданство Турецкому Султану // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
42. *Акт избрания в Глухове, при Боярине Князе Ромадановском, в Малороссийские Гетманы Демьяна Игнатовича Многогрешнаго // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
43. *Коноптские статьи // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
44. *Статьи, постановленные в Переяславле с Гетманом обеих сторон Днепра Иваном Самойловичем // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.
45. *Отрешение от Гетманства Ивана Самуиловича и избрание Ивана Мазепы и проч. // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским.* — М., 1858. — Ч. 1.

46. Договор и постановление между Гетманом Орликом и Войском Запорожским в 1710 году // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. — М., 1858. — Ч. 1—4.
47. Про відзначення 295-ї річниці та підготовку заходів до 300-ї річниці прийняття Конституції гетьмана Пилипа Орлика : Указ Президента України № 504/2005 // Вісник Конституційного Суду України. — 2007. — № 3.
48. Конституція Української гетьманської держави (Конституція Пилипа Орлика 1710 року) // Вісник Конституційного Суду України. — 2007 — № 4.
49. Конституція Української гетьманської держави (Конституція Пилипа Орлика 1710 року) // Вісник Конституційного Суду України. — 2007 — № 5.
50. Конституція України. — К., 1997.
51. Вивід прав України : документи і матеріали до історії української політичної думки. — Нью-Йорк, 1964.
52. Статьи Гетмана Ивана Скоропадского // История Малороссии Николая Маркевича. — М., 1842. — Т. III.
53. Манифест государя Петра I о запрещении всякого чина людям оказывать Малороссийскому народу обиды, озлобления, укоризны, порицание изменниками и излишнее требование подвод и прочее // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. — М., 1858. — Ч. 2.
54. Доношение от всего Малороссийского народа с просительными о их надобностях пунктами // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. — М., 1858. — Ч. 2.
55. Инструкция Бригадиру господину Вельяминову // Источники Малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. — М., 1858. — Ч. 2.
56. Статьи Гетмана Данилы Апостола // История Малороссии Николая Маркевича. — М., 1842. — Т. III.
57. Універсал гетьмана К. Розумовського від 22 квітня 1760 р. // Хрестоматія з історії Української РСР. — К., 1959. — Т. 1.
58. Дорошенко Д. І. Огляд української історіографії. — К., 1996.
59. Нольде Б. Автономія України з історичного погляду. — К., 1995.
60. Кистяковский А. Ф. Права, по которым судится малороссийский народ. — К., 1879.
61. Кодифікація права на Україні у XVIII столітті. — Л., 1958.
62. Месяц В. Д. История кодификации права на Украине в первой половине XVIII в. — М., 1964.
63. Ткач А. П. Право Украины, 1992.
64. Ткач А. П. Історія кодифікації дореволюційного права України. — Х., 1961.
65. Василенко Н. П. Экстракт из указов, инструкций и учреждений с разделением по материалам на девятнадцать частей 1786 года. — Чернигов, 1902.
66. Неволин К. А. История российских гражданских законов : в 3 т. — СПб., 1848—1851.
67. Беляев П. Крестьяне на Руси. — М., 1860.
68. Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне. — Чернигов, 1866.
69. Пахман С. В. История кодификации гражданского права : в 2 т. — СПб., 1871.
70. Голобуцкий В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734—1775). — К., 1961.
71. Будзилович І., Юрченко А. Оренда землі в Україні (історико-правовий нарис) // Право України. — 1994. — № 10.
72. Документы-процессы-исследования. — СПб., 1877.
73. Скальковский А. История Новой Сечи. Как судили и рядили в Сечи Запорожской // Киевская старина. — 1886. — Т. XIV.
74. Д-ский А. Система карательных мер в Запорожье (историко-юридический очерк) // Киевская старина. — 1893. — Т. XL.
75. Наріжний С. Судівництво і кари на Запоріжжі // Збірник Українського наукового інституту в Америці. — Прага, 1939.
76. Падох Я. Нарис історії українського карного права. — Мюнхен, 1951.
77. Миллер О. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Сб. ХИФО. — 1896. — № X, XVIII.
78. Лазаревский А. Суды в старой Малороссии. Замечания на монографию О. П. Миллера : суды земские, городские и подкоморские в XVIII в. // Киевская старина. — 1898. — Кн. LXII.
79. Слабченко М. Малорусский полк в административном отношении. — Одесса, 1909.
80. Черкаський І. Сліди доміняльного (панського) суду на Лівобережній Україні наприкінці XVII і початку XVIII в. // Праці Комісії з історії українського права. — К., 1926. — Т. III.
81. Падох Я. Міські суди на Україні-Гетьманщині після 1648 р. — Мюнхен, 1948.
82. Слабченко М. Судівництво на Україні XVII—XVIII ст. — Х., 1919.
83. Мірза-Авак'яц Н. Нариси з історії суду на Лівобережжі до половини XVII ст. // Записки Харківської дослідної катедри. — Б. р., б. м., № 2—3, 4.

84. Добров О. С. Правоутворення без законодавця // Праці Комісії для виучування звичаєвого права України. — К., 1926. — Ч. 1: Звичаєве право. — Вип. 2.
85. Яковлев А. Українське звичаєве процесуальне право. — Прага, 1931.
86. Правовий звичай як джерело українського права IX–XIX ст. / за ред. І. Б. Усенка. — К., 2006.
87. Антонович В. Нарис становища православної церкви на Україні від половини XVII до кінця XVIII ст. — Львів, 1900.
88. Антонович В. Розвідки про церковні відносини на Україні XVI–XVIII ст. — Л., 1900.
89. Голубинский Е. История Русской церкви. — М., 1900–1901.
90. Чубатий М. Правове становище церкви в козацькій державі. — Філадельфія, 1925.
91. Лотоцький О. Українські джерела церковного права. — Варшава, 1931.
92. Цыпин В. Церковное право. — М., 1996.
93. Христианство. — М., 1996.
94. Тихомиров Ю. В. Судебное религиоведение. — М., 1998.
95. Академічне релігієзнавство. — К., 2000.
96. Мироненко О. М. Проблема прав і свобод людини в українській богословській думці доби середньовіччя. — К., 1995.
97. Українські гуманісти епохи Відродження. — К., 1996. — Т. 1–2.
98. Мироненко О. М. Проблема прав і свобод людини в українській світській політико-правовій ідеології доби феодалізму. — К., 1995.
99. Мироненко О. М. Духовні джерела оборони менталітетних традицій «козацьких конституцій» // Вісник Конституційного Суду України. — 1999. — № 3.
100. Мироненко О. М. Суб'єкти політичного «конституційного контролю» в Україні-Гетьманщині // Вісник Конституційного Суду України. — 1999. — № 4.
101. Мироненко О. М. Конституції українських гетьманів XVII–XVIII століть як об'єкти офіційного тлумачення, захисту і грубих порушень // Вісник Конституційного Суду України. — 1999. — № 5.
102. Мироненко О. М. Раціоналістичне (юснатуралістичне) праворозуміння на Україні у другій половині XVII століття як первісний концептуальний фундамент вітчизняної конституційної юстиції майбутнього // Вісник Конституційного Суду України. — 2000. — № 1, 2.

Мироненко А. Н. Право Гетманщины (вторая половина XVII – XVIII в.)

Аннотация. Статья посвящена правовой системе Украины-Гетманщины (Войска Запорожского) XVII–XVIII вв., которая, впитав наилучшие традиции совокупности социальных регуляторов догосударственного восточнославянского общества, обычаев и символов антов и склавинов, объединений славянских княжеств, устных и писаных социальных правил и норм княжеской Украины-Руси, языческих и христианских верований и канонов, польского, литовского права, полностью восприняв совершенные фактические казацкие конституции XIV – первой половины XVII в., родилась уже как истинно национальное право.

Ключевые слова: источники права, казацкие обыкновения, польское право, литовское право.

Myronenko A. Law of the Hetmanate (Second Half of XVII – XVIII Century)

Annotation. The article is devoted to the legal system of Ukraine – Hetmanate (Zaporizhzhia Army) of XVII – XVIII centuries, which, having absorbed the best traditions of the whole of social regulators of East Slavic pre-state society, customs and symbols of the Ants and Slavins, associations of Slavic principalities, verbal and written social rules and norms of the prince of Ukraine-Rus, pagan and Christian beliefs and canons, Polish, Lithuanian law, and having fully perceived the actual Cossack constitutions committed during XIV – first half of XVII centuries, arose as a truly national law.

Key words: sources of law, Cossack customs, Polish law, Lithuanian law.